

УДК 001

DOI: 10.34670/AR.2025.73.52.012

Некоторые аспекты изменения ценностных установок в контексте прикладной экологии

Кротовская Наталия Георгиевна

Научный сотрудник,
сектор философской антропологии,
Институт философии РАН,
109240, Российская Федерация, Москва, ул. Гончарная, 12/1;
e-mail: krotovskaya.nata@yandex.ru

Кулагина-Ярцева Валентина Сергеевна

Научный сотрудник,
сектор философской антропологии,
Институт философии РАН,
109240, Российская Федерация, Москва, ул. Гончарная, 12/1;
e-mail: yartseva41@mail.ru

Аннотация

Проблема отношения человека к природе, этические аспекты его взаимодействия с окружающим миром и попытки создать гармоничное общество, живущее в единстве с окружающей средой, волнуют человечество на протяжении всего его существования. Эту проблему можно проследить в трудах таких известных мыслителей, как Пифагор, Гераклит, Сенека, Августин, Кант и многих других. Но несмотря на чрезвычайную важность и сложность взаимоотношений между человеком и природой, попытка их по-настоящему целостного изучения предпринимается только в настоящее время в рамках такого направления философского знания, как экофилософия. В современном обществе экологические проблемы становятся особенно актуальными, и это связано не только и не столько с загрязнением окружающей среды, сколько с кризисом современной цивилизации, кризисом духовности, нравственности и современной культуры в целом. В настоящее время перед человечеством стоит дилемма – традиционная или экологическая модель цивилизационного развития. В статье рассматриваются различные трактовки экологических проблем учеными прошлого и настоящего, их оценка сложившейся ситуации, прогнозы относительно будущего, которое ожидает планету и человечество.

Для цитирования в научных исследованиях

Кротовская Н.Г., Кулагина-Ярцева В.С. Некоторые аспекты изменения ценностных установок в контексте прикладной экологии // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2025. Том 14. № 10А. С. 73-105. DOI: 10.34670/AR.2025.73.52.012

Ключевые слова

Экофилософия, мудрость, эпикурейцы, стоики, экоцентризм, эософия, глубинная экология, этика земли, экологическая этика, философия свалки, ценностные установки, экологический кризис.

Введение

Проблема отношения человека к природе, этические аспекты его взаимодействия с окружающим миром и попытки создать гармоничное общество, живущее в единстве с окружающей средой, волновали и продолжают волновать человечество на протяжении всего его существования. Интерес к этой проблеме можно проследить в трудах таких известных мыслителей, как Пифагор, Гераклит, Сенека, Августин, Кант и многие другие. Она находит отражение не только в философских и научных работах, но и в политических и религиозных концепциях, идеологических и экономических доктринах. Однако, несмотря на чрезвычайную важность и сложность взаимоотношений между человеком и природой, попытка их целостного изучения предпринимается только в настоящее время в рамках такого направления философского знания, как экофилософия. Прежде чем перейти непосредственно к описанию предмета и специфики экофилософии как новой самостоятельной области науки, необходимо остановиться на различных теоретико-методологических подходах к определению сущности этого понятия, а также кратко рассмотреть историю его формирования. Экофилософия, как и философия в целом, не имеет единого строгого определения, но стремится познать и осмыслить комплекс процессов взаимодействия живых организмов (в первую очередь человека) с окружающей средой и выявить фундаментальные закономерности этого взаимодействия. Экологическая философия появилась сравнительно недавно, в XX веке, и тесно связана с так называемой глубинной экологией, разработанной норвежским философом Арне Декке Эйде Нессом и французским психоаналитиком и философом Феликсом Гваттари. Сам термин «экофилософия» (у него есть вариант «экософия») был впервые использован Нессом в 1973 году. Как отмечал сам автор: «Под экософией я подразумеваю философию экологической гармонии или баланса. Как и любая «софия», она содержит нормы, правила, постулаты, приоритеты и гипотезы, касающиеся положения дел во Вселенной». Сферы интересов экософии разнообразны и включают в себя не только факты загрязнения окружающей среды, ресурсы и население, но и ценностные приоритеты.

В 1980-х годах под экофилософией понималось комплексное социально-философское исследование взаимодействия общества и природы. В свою очередь, в 1990-х годах Гваттари разработал свой подход к пониманию экофилософии, основанный на трёх основных составляющих: экологии окружающей среды, социальной экологии (экономика и социальные роли) и ментальной экологии, связанной с психологией. Гваттари соотносил экологию окружающей среды с «социальной экологией разума». Согласно его идеям, без определённых изменений в социальной и материальной сферах человеческого общества фундаментальные изменения в сознании людей невозможны. Термин «экология» представляется Гваттари слишком эклектичным, поскольку объединяет в себе различные слои реальности: научные знания о природных и социальных экосистемах соседствуют здесь с консервативными и даже откровенно реакционными заявлениями о необходимости вернуться к дедовскому образу жизни. Гваттари задумал свою «экософию» как модель, выходящую за рамки изучения экосистем.

В настоящее время экофилософию можно определить как область философского знания, которая исследует философские проблемы взаимодействия живых организмов и систем друг с другом и с окружающей средой.

Экофилософия как образ жизни

Современная фигура экофилософа, вероятно, содержит в себе зачатки того, что выходит за рамки философии в ее нынешнем строго академическом, профессиональном смысле. Это могло бы, с одной стороны, вернуть философию к ее древним, житнетворным, но ныне утраченным корням в греко-римском мире, а с другой, открыть ее для людей, ищущих за пределами академического мышления общий и осмысленный способ существования, который по-настоящему связан с Землей. Посредством детального сравнения экофилософии с древними школами античности, понимаемыми не просто как интеллектуальный дискурс, но и как «образ жизни» [Адо, 1999], можно утверждать, что фигура экофилософа потенциально предлагает мыслящим людям во всем мире радикальный путь от иллюзий нашего нынешнего времени к более адаптивной жизни, основанной на прямом, непосредственном контакте с настоящим.

Современная философия, отход от мудрости

Сейчас, когда наша цивилизация переживает непростые времена, научный мир занят поиском путей, которые помогут нам разрешить нынешний кризис, особенно в области экологии. Ученые смело излагают наблюдаемые факты, все тонкости деградации и упадка биосферы, объясняют механизмы, лежащие в основе нестабильности климата и разрушения экосистем, и выясняют, как эти биофизические механизмы могут быть скорректированы, если это вообще возможно. Однако ученые не претендуют на мудрость. Они, как и все мы, находятся в плену существующих норм и условностей, приведших нас к такому повороту событий. Вопросами выхода из кризиса заняты не только ученые, но и религиозные лидеры. Однако они придерживаются своих верований, своих собственных условностей, установленных задолго до того, как воздействие человека на биосферу стало предметом крайней озабоченности, как это происходит сегодня. На самом деле, эти верования, как правило, выражали новое мировоззрение, ориентированное на человека и подготовившее почву для крайнего антропоцентризма, который в конце концов противопоставил нашу нынешнюю индустриальную цивилизацию биосфере. Таким образом, эти древние каноны не всегда способны направить нас к постантропоцентрическому мировоззрению. Тогда, кто возьмет на себя труд разобраться в наших планетарных трудностях и в то же время освободить людей от верований и условностей, которые сковывают их, формируя нашу культурную идентичность и наше общественное сознание таким образом, что мы становимся соучастниками сил, способных нас уничтожить?

Западные философы традиционно занимались изучением стоявших перед человечеством проблем, но им еще предстоит самим освободиться от культурной обусловленности, определяющей жизнь их современников. В свое время именно философы преодолели ханжество и тщеславие своего общества, чтобы представить людям неадаптивные модели социальной жизни.

Где же сейчас эти скептики, которые игнорируют общественное мнение и осмеливаются быть свободными, которые доводят аргументы до логического завершения и осмеливаются следовать своим убеждениям в своей собственной жизни, открывая для остальных непроторенные пути? Люди, которых сегодня называют философами, конечно же, обитают в академических кругах. Они задаются вопросами, которые вытекают из вопросов, переданных нам по наследству философами древности: что такое истина, что такое добро, почему мы страдаем, как возможно познание, каковы происхождение и природа Вселенной? Однако в

отличие от древних мыслителей современные академические философы разделяют эти вопросы на отдельные области, рассматривая их преимущественно как теоретические и тем самым изолируя себя от более широких, более практически ориентированных дискуссий о повседневном поведении.

Специалисты, работающие в том или ином академическом заведении, связаны его ожиданиями, нормами и нравами. Эти ожидания, нормы и нравы неизбежно влияют и на личные устремления и амбиции академического философа: получение грантов, пребывание в должности, продвижение по службе и репутация в рамках выбранной дисциплины могут стать доминирующими в их профессиональной программе. Поскольку нормы и нравы учебного заведения, скорее всего, отражают нормы и нравы государства или корпораций, которые их финансируют, они склонны на организационном уровне усваивать ценности своего учреждения.

Одним словом, хотя академические мыслители номинально свободны думать и публиковать все, что им заблагорассудится, какими бы критическими ни были их идеи, они так или иначе находятся в плену системы негласного институционального давления. Какие бы идеи ни решил «исповедовать» академический мыслитель, он, столкнувшись с экологическими вызовами нашей индустриальной цивилизации, скорее всего, продолжит вести свою жизнь в соответствии с нормативными предпосылками этой цивилизации. Еще в 1854 году Генри Торо отмечал этот разрыв. Как он выразился в первой главе своей книги «Уолден, или жизнь в лесу», «У нас сейчас есть профессора философии, но философов нет» [Торо, 1979, 12]. При этом сам Торо понимал философию как интуитивно-эмоциональное, а не рациональное освоение мира.

Не так давно историк античной философии Пьер Адо одобрительно процитировал эту строку Торо, противопоставляя фигуру современного философа ее древнему прототипу [Hadot, 2005, 229-237]. Как известно, Адо посвятил свою жизнь подробному описанию деятельности древнегреческих философов – особенно стоиков и эпикурейцев, – которые занимались философией не как изучением вопросов строго теоретического характера, но в качестве образа жизни, противоречащего социальным нормам и условностям их времени. Стало быть, исключительно теоретический и институционализированный способ мышления, который в настоящее время считается философией, вряд ли будет нести в себе заряд убежденности древних. В самом деле, экофилософия уже сорок лет практикует подобное мышление, а состояние окружающей среды лишь продолжает ухудшаться.

Когда речь заходит об экологических проблемах, создается впечатление, что экофилософия как чисто теоретическое направление не затрагивает психологической основы человеческой мотивации. Логические опровержения антропоцентричных инструменталистских предпосылок современности могут убедить студентов, изучающих экологическую философию, но редко приводят к изменению моделей повседневной жизни. Несмотря на все заявления, звучащие не только в области экологической философии, но и во многих других экологических дискурсах, в настоящее время очень немногие выбирают образ жизни, который прямо или косвенно не ставит под угрозу жизнь других видов, и это противоречие подрывает экологическую идею. Как будто кризис, который преподносится как реальный, на самом деле вовсе не реален. Подобное несоответствие между декларируемым и действительным заставляет многих втайне сомневаться в здравомыслии как самих себя, так и своего общества.

Однако, прежде чем отбросить философию как потенциальный инструмент решения современных проблем, вернемся вместе с Пьером Адо к тому историческому моменту, когда философия действительно раскрыла свой подлинно подрывной потенциал, – к периоду, когда процветали эпикурейская и стоическая школы.

Античная философия как образ жизни

Эпикурейство и стоицизм были одними из основных философских школ классического периода античной философии (конец IV - конец I веков до н.э.). Как и другие основные школы, в том числе Платона и Аристотеля, эпикурейство и стоицизм зародились в Афинах. Согласно Адо, все четыре школы позиционировались как путь к более просвещенному образу жизни и, в отличие от религиозных, считались сугубо философскими, ибо опирались на разум, а не на веру, убеждения, откровение или авторитет.

Основная цель каждой из философских школ заключалась в том, чтобы помочь человеку обрести самообладание, уравновешенность и независимость в условиях тогдашней политической и военной нестабильности. Если платоническая и аристотелевская школы были относительно элитарными, привлекая серьезных мыслителей и молодых лидеров общества, стремящихся расширить свой кругозор, то эпикурейская и стоическая школы были открыты для всех, включая женщин и рабов. Софисты же, напротив, изначально позиционировали себя в качестве профессиональных учителей, предлагавших качественное обучение отпрыскам правящих классов. В рамках данной статьи сосредоточимся только на эпикурействе и стоицизме как школах, наиболее подходящих для рассуждений об экофилософии.

Как эпикурейцы, так и стоики опирались на собственный набор метафизических предпосылок, то есть на собственные учения о природе реальности. Из этих предпосылок были сделаны дальнейшие выводы, касающиеся этики и психологии. Учителя объясняли и пытались обосновать метафизические доктрины, выявляя их логические следствия для человеческого поведения. При этом ожидалось, что ученики, в свою очередь, усвоят эти теории и регулярно будут размышлять над ними, сопоставляя с ними свое повседневное поведение. С этой целью ученики нередко жили и ели вместе с учителем, образуя колонии «друзей» или компаньонов, поддерживающих друг друга в общем стремлении жить рационально и в соответствии со своими философскими взглядами.

Ожидалось, что тщательное изучение идей Эпикура или Зенона Китийского, основателя стоицизма, приведет к подлинной трансформации сознания, которая позволит ученикам адаптивно и хладнокровно реагировать на непредвиденные обстоятельства. Однако при этом ни в коем случае не предполагалось, что подобная трансформация будет достигнута только с помощью разума. Неотъемлемой частью процесса обучения были также разнообразные духовные и физические практики, включавшие в себя медитацию, визуализацию, использование воображения, искусство анализа и ведения споров, а также особые гимнастические упражнения.

Представители обеих школ пришли к единому мнению, согласно которому человеческие страдания проистекают главным образом из наших суждений о жизни, а не из физических характеристик самой этой жизни и, соответственно, в пересмотре нуждаются именно наши привычные системы ценностей.

Для Эпикура подобный пересмотр начинается с анализа желания. В основе всех наших ценностей, по его мнению, лежит стремление к удовольствию. И если мы хотим жить осознанно, то следует разделить стремление к удовольствиям, улучшающим жизнь, от стремления к удовольствиям, которые в долгосрочной перспективе приведут к страданиям. С этой целью Эпикур основал небольшие общины, где его последователи могли бы жить в необременительной материальной простоте, довольствуясь скромной, но питательной пищей,

чистой водой и непритязательным жильем, в окружении природных красот, располагающих к приятному общению и беседам.

Однако даже простые удовольствия омрачает перспектива смерти. Нельзя не понимать, что смерть в конечном счете уничтожит удовольствие как таковое. Чтобы устранить этот более глубокий источник беспокойства, Эпикур обратился к метафизике, создав свою знаменитую концепцию отклоняющихся атомов, допускающую существование свободы и применимую как к человеческому бытию, так и ко всему остальному.

Когда мы умираем, наши души распадаются точно так же, как и наши тела. Отсюда следует, что «когда мы здесь, смерти нет, когда смерть здесь, нас уже нет». Так чего же нам бояться? Эпикур признает, что боги существуют. Но они не создавали мир и не проявляют никакого интереса к человеческим делам. Значит, нам нечего бояться наказания в загробном мире.

Человек, защищенный от физических форм страданий, свободный от множества отвлекающих факторов, порождаемых ложными желаниями, и от беспокойства по поводу смерти, наконец-то обретает свободу испытывать то, что Эпикур считал высшим удовольствием, а именно удовольствие от простого бытия, от наслаждения реальностью нашего существования.

Хотя предпочтение определенного образа жизни подкреплялось у эпикурейцев полноценной метафизической теорией, эпикурейское образование, как говорилось выше, включало в себя эмпирические искусства и дисциплины. При этом центральным элементом всего проекта было искусство ведения беседы, поскольку столь глубокая трансформация сознания, к которой стремились эпикурейцы, несомненно, могла быть осуществлена только в коммуникативной и социально благоприятной среде. Здесь нелишне будет привести цитату из Канта: «Древние греческие философы – Эпикур, Зенон, Сократ и другие оставались верны истинной Идее философа, в отличие от философов нашего времени. «Когда же начнешь ты жить добродетельно?» – говорил Платон одному старику, который рассказал ему, что слушает лекции о добродетели. Ведь нельзя все время заниматься умозрением: надо когда-то подумать и о применении его на практике. Но сегодня принимают за мечтателя того, кто живет сообразно своему учению» [Kant, 1980, 8].

Осознавая реальность нашего существования, мы испытываем чувство достаточности и полноты, с которым не сравнится ни один другой опыт. Таким образом, эпикурейский образ жизни, несомненно, сохраняет свою актуальность и привлекательность и сегодня.

Теперь обратимся к философии стоиков и рассмотрим ее с этой же точки зрения. Первым следует отметить то, что предписанный ею образ жизни основывается на противоположном наборе доктринальных предпосылок. Ключом к процветанию человека, с точки зрения стоиков, является стремление к высшему благу, то есть к добродетели. Истинное счастье достижимо при любых обстоятельствах, но лишь в том случае, если мы в своих действиях и установках руководствуемся соображениями морали. Эта предпосылка, как и предпосылка эпикурейцев, сформулирована на основе метафизических постулатов.

Хотя физика стоиков также полностью материалистична, как и учение эпикурейцев, она постулирует, что вселенная, во-первых, является целостной, а не состоит из атомов, и, во-вторых, детерминированной, а не наполненной легким трепетом спонтанности, характерным для атомов эпикурейцев. Действительно, все в мире существует в неразрывном единстве, структурированном таким образом, чтобы сохранять свое существование и целостность.

Именно самосогласованность Вселенной объясняет то, что она развивается предсказуемым образом, не превращаясь на каждом шагу в хаос.

Поскольку люди являются частью этого живого единства, которое мы наблюдаем как Вселенную, протяженную в пространстве и времени, универсальный разум, лежащий в основе этого единства, должен информировать и нас, Человеческий разум должен отражать в нашем собственном ограниченном масштабе и через призму нашего собственного понимания принцип, формирующий мир, большее целое. Другими словами, человеческий разум будет направлять нас к «общему благу» так же решительно, как он направляет нас к сохранению самих себя. Служение общему благу, включающему в себя и наше собственное благо, является строго рациональной целью человеческой жизни.

Из этого краткого изложения становится ясно, почему стоики настаивали на том, что ключом к процветанию человека является разум и в практическом контексте разум неизменно склоняет нас к служению общему благу.

Объективное отношение к себе и своему окружению в сочетании с признанием того, что внешние обстоятельства в значительной степени находятся вне нашего контроля, помогает нам безропотно принимать свою судьбу, демонстрируя вошедшее в поговорку «стоическое» отношение к происходящему. Осознание стоиками того, что они руководствуются в своей жизни разумом, то есть способностью, которую они считают производной от универсального принципа всеединства, убеждает их в том, что во всех вопросах они верны добру, а следовательно, и самим себе, а это все что от человека можно требовать.

Рассматривая вопрос о том, как повели бы себя люди, склоняющиеся к стоической или эпикурейской позиции, Ф. Мэтьюз в статье «Экофилософия как образ жизни» пишет:

«Вооруженные этой моральной уверенностью, стоики с большей вероятностью, чем их коллеги-эпикурейцы, будут играть активную роль в общественных делах. Поскольку они рассматривают основные побуждения человеческой природы, исходя из универсального принципа единства, они могут свободно следовать указаниям разума. Это означает, что они также могут заниматься политикой или другими сторонами общественной жизни. <...> Если в результате внешних обстоятельств, не зависящих от человека, события принимают нежелательный оборот, стоик может без лишнего шума найти прибежище в своих убеждениях. Таким образом, стоики более приспособлены к жизни в гуще событий, чем эпикурейцы, чье метафизическое мировоззрение склоняет их к жизни в контркультурном сообществе единомышленников» [Mathews, 2023, 2-20].

В Римской империи золотой период философии как искусства жизни постепенно уходит в прошлое. Четыре основные философские школы сохраняются и в имперский период, но философия постепенно становится институционализированной. Философские центры появляются во многих городах и нередко финансируются правительством, в то время как традиционные пути передачи знаний от основателей учения к преемникам прерываются, и место мыслителей занимают платные преподаватели. Они, как правило, изучают древние тексты и видят свою задачу лишь в толковании этих ныне канонизированных трудов и комментариев к ним. В конце концов, философия становится, по сути, областью ученых и сводится к интеллектуальным занятиям, которые мы сегодня называли бы академическими.

Экофилософия как возрождение древней традиции

Возможно, фундаментом западной цивилизации является именно философия. В классический период античности, философия, лежавшая в основе афинской культуры, породила неустанно вопрошающее мышление, искрящееся остроумием и живостью, которым не было

равных. Хотелось бы надеяться, что эта искра непредубежденности, впоследствии почти угасшая, все еще сохраняется в нашей философской традиции.

Однако схоластический, исключительно абстрактный теоретический поворот, который философия совершила впоследствии, проложил путь дуалистической тенденции, которая стала фатальной чертой западного мировоззрения, лежащего в основе индустриальной эпохи и порождающего нынешний кризис биосферы. Было много написано о том, как процесс теоретизирования на феноменологическом уровне приводит к разделению субъекта и объекта, которое формирует все последующие бинарные системы разума и материи, структурирующие западную культурную традицию.

Однако вместо того, чтобы заикливаться на этом пессимистическом аспекте истории философии, философы могли бы обратиться к ее изначальному потенциалу, продемонстрированному эпикурейством и стоицизмом, для развития в новом направлении [Mathews, 2017, 144-159].

Возможно ли сегодня продолжить эту эллинистическую нить? В этой связи стоит помнить, что, хотя экологическая философия как ветвь современной академической философии, была в значительной степени заложницей академических кругов, существовала группа философов, экологическое мышление которых всегда основывалось на экологическом образе жизни. Первоначальные в эту группу входили среди прочих Арне Несс, Алан Дренгсон, Билл Деволл, Джордж Сешнс, Дэвид Абрам, Долорес Лашапел и другие. Разумеется, в тот период было много мыслителей, которые придерживались экофилософских тем и идей, но они исследовали их с помощью других научных дисциплин, а также искусства. Здесь речь пойдет только о тех, кто придерживался специфически философского подхода.

Хотя эти мыслители изучали современную академическую философию и часто сами преподавали ее в университетах, они также были заядлыми любителями пеших прогулок, трекинга или альпинизма и брали студентов с собой на экскурсии по пересеченной местности. Некоторые из этих экофилософов поселились в отдаленных местах. Большинство из них были экологически грамотными, хорошо разбирались в ботанике и зоологии. Неизменно участвуя в природоохранных кампаниях, они присоединялись к прямым действиям в защиту окружающей среды. В этом отношении экофилософы отклонялись от академических норм: их философские изыскания были продиктованы не только научными интересами, но и личным опытом самореализации и самопреодоления, полученным на природе, и, как следствие, страстью к ее охране.

В то время как экофилософы действительно были одними из ключевых создателей дискурса, который стал известен как экологическая философия, среди других участников этого дискурса были сотрудники философских факультетов, чей интерес к этой теме был исключительно теоретическим. Для этих последних главным были исследования обоснованности антропоцентризма, критериев моральной приемлемости или различных внутренних ценностей.

Экологическая этика

С момента своего возникновения в 1970-х годах экологическая этика в США всегда была тесно связана с экологической наукой. Точнее, первая, как правило, в значительной степени опиралась на вторую. Благодаря этому экологическая этика превратилась в новаторскую и чрезвычайно перспективную область исследований. Однако такой подход к исследованию

сделал фундамент экологической этики менее надежным, чем хотелось бы большинству ее сторонников, так как научные знания подвержены изменениям и инновациям и движимы ими. В результате оказалось, что здание экологической этики зиждется на шатком фундаменте, тем самым подрывая моральные предписания философов.

Рассмотрим, как экофилософы пытаются разрешить это противоречие, на примере одного из основоположников экологической философии Бэярда Калликотта, в 1971 году прочитавшего первый университетский курс по экологической этике. Результатом его пятидесятилетней научной деятельности стало множество статей и книг, в том числе «В защиту этики земли: очерки по философии окружающей среды» (1989), «Экологические интуиции» (1992), «За пределами этики земли: Новые очерки по философии окружающей среды» (1999), «Мыслить как планета: Этика земли» (2013), «Азиатская традиция и перспективы экологической этики: пропедевтика» и многие другие (1990). Он и сейчас остается значимой фигурой в экологических кругах США с учетом той важной роли, которую он сыграл в переосмыслении понятия дикой природы и его непоколебимой приверженности «Этике земли» Альдо Леопольда (1966), интерпретации которой посвящены многие его работы. По мнению Калликотта, традиционная этика не способна решить стоящие перед нами экологические проблемы и, следовательно, должна быть пересмотрена.

Альдо Леопольд (1887-1948) – известный американский ученый-эколог, писатель, президент Экологического общества США, один из основателей Общества дикой природы. Родился в штате Айова, закончил Йельский университет. Умер от сердечного приступа, сражаясь с лесным пожаром.

Взгляды Альдо Леопольда опередили жизнь и, как часто бывает, не были поняты современниками. Свой труд, сборник эссе под названием «Календарь песчаного графства», содержащий основные идеи экологической этики («этики земли»), Леопольд не смог опубликовать при жизни: издатели сочли их бесполезными или слишком радикальными.

Свою экологическую этику Альдо Леопольд называл этикой земли. Она распространялась на все биологические виды и экологические сообщества.

По мнению Леопольда, человеку следует осознать свое положение как рядового обитателя Земли и научиться уважать права других членов биотического сообщества. Леопольд напоминает людям об их обязательствах по отношению к другим членам биотической общины – об обязательствах, которые были бы выше их собственных выгод экономического характера.

Экологическая этика, по мнению Леопольда, играет важную роль в современном природоохранном движении, поскольку предлагает человеку новую роль, превращая его из завоевателя в равноправного члена гармоничного сообщества. Он полагал, что экологические проблемы, по сути, имеют философский характер, и к ним необходимо найти философский подход.

А. Леопольд одним из первых указал на необходимость охраны не только самой дикой природы, но и ее свободы. Он утверждал, что наша планета не мертва, и заслуживает уважения со стороны человека не как источник сырья, а как живое существо.

Ему принадлежит призыв научиться «думать, как гора», и позволять дикой природе развиваться самостоятельно не только на этой горе, но и во всем мире. По его мнению, дикую природу нельзя растить, как строевой лес, поскольку она есть нечто большее, чем деревья. Ученый писал, что сбережение дикой природы должно стать актом национального раскаяния со стороны людей, губивших ее ранее.

Основной императив экологической этики заключается в том, чтобы позволить не-людям говорить самим за себя. С учетом этой критики была разработана альтернативная концепция внутренней ценности как свойства. Внутренняя ценность тела есть объективное свойство, которое можно обнаружить посредством наблюдения.

Центральное место в размышлениях А. Леопольда, а значит и Калликотта, занимают изменения и непостоянство. И тот и другой пытаются убедить современников в том, что при выработке норм человеческого поведения следует учитывать изменчивость экосистем. Чтобы действовать морально, сообщества должны признать свою принадлежность к более крупным «наземным сообществам», для которых характерна постоянная адаптация.

Леопольд, поначалу придерживавшийся утилитарных воззрений на охрану природы, постепенно изменил свои взгляды. Экологическая наука и дарвинизм привели его к пониманию земли как единого целого. Так появилась этика земли, стирающая грань между человеком и природой, неотъемлемой частью которой он является. Вслед за Дарвином, который выдвинул подобное предположение в своей книге «Происхождение человека и половой отбор» (1871), А. Леопольд утверждал, что по мере того, как люди начнут считать себя членами не только своей семьи, но и племени, региона или государства, сфера применения этики станет постепенно расширяться. Но он пошел еще дальше, заявив, что теперь она должна охватывать и целые экосистемы. Таким образом, этика земли расширила границы сообщества, включив туда почву, воду, растения и животных, то есть всю землю. Короче, этика земли меняет роль *Homo sapiens* с завоевателя на одного из членов земельного сообщества, что подразумевает уважение к остальным, а также ко всему сообществу как таковому.

Расширение сферы этики привело Леопольда к новой моральной максиме, которая, как он надеялся, заложит основу для более просвещенных отношений между человеческими сообществами и другими живыми существами. Начиная с 1970-х годов, Дж. Бэрд Калликотт пытался донести эоцентрическую идею А. Леопольда до своих коллег-философов и более широкой аудитории.

Калликотт устраняет картезианский дуализм, проводящий четкую границу между природой и цивилизацией, а также между человеком и природой. В книге «Великие новые дебаты о природе» он пишет: «Я следую Дарвину в том, что человеческая культура неразрывно связана с протокультурой приматов и млекопитающих и что, как бы сильно она впоследствии ни развилась, современная человеческая цивилизация, несмотря ни на что, остается неотъемлемой частью природы» [Callicotte, Nelson, 1998, 388].

Поскольку А. Леопольд не был профессиональным философом, Калликотт стремился поднять его учение до интеллектуального уровня философии. Признавая философские ограничения концепции этики земли, он в своей попытке придать ей научную убедительность обратился к философии Дэвида Юма и Адама Смита. Согласно воззрениям Юма, основы морали лежат в чувствах, а не в разуме. Она формируется у человека, скорее, под влиянием эмоций и инстинктов и не является фактом внешнего объективного мира и потому не может быть познана при помощи ума.

При разработке собственной эоцентрической философии Калликотт старался доказать, что дарвинизм, этика земли Альдо Леопольда, а также его собственные взгляды имеют своим источником философию Юма. Влияние теорий Юма и Адама Смита заметно и в книге Дарвина «Происхождение человека». Несколько десятилетий спустя, утверждает Калликотт, идеи Дарвина сформировали этические размышления Леопольда, легшие в основу философии Калликотта. Таким образом, интерес Калликотта к Юму обусловил две важнейшие

тенденции в его мышлении: примат моральных чувств и превосходство общественного над личным.

По мнению Калликотта, чем шире круг моральных членов данного сообщества, тем более оно этически развито. Его приверженность расширенному видению сообщества, включая экосистемы, входит в противоречие со многими разделами традиционной этики, основанными на индивидуализме. Как признает сам Калликотт, тот, кто посвятит себя этике земли, «будет весьма далек от жесткого, отстраненного, неуравновешенного человека современной западной либеральной традиции» [Callicott, 1999, 314].

Представление о себе как о полностью автономном и самодостаточном существе хорошо согласуется с прочно укоренившимися философскими идеями, которые Калликотт стремится заменить. С точки зрения экологии, где главное внимание уделяется взаимосвязям и взаимозависимости, представление о себе как о независимой монаде лишено смысла, вот почему Калликотт стремится доказать необходимость радикальных преобразований в нашем понимании общественного и личного.

Он с оптимизмом смотрит на способность моральных чувств и общественной солидарности к развитию и расширению и полагает, что история этики подтверждает его выводы: «Моральные чувства неопределенны и безграничны. Сегодня мы можем научиться уважать такие вещи, как всеобщие права человека и права животных, права наших национальных государств и наших биотических сообществ, о которых наши далекие предки ничего не знали в ту пору, когда формировалась их мораль» [Ouderkirk, 2002, 298]. Иными словами, сегодняшнее сообщество не обязательно будет идентично завтрашнему. Его изменчивость и многогранный характер открывают новые возможности для сторонников этики земли.

По мнению Калликотта, расширение круга общения совпадает с расширением человеческого «я», что напоминает глубокое экологическое представление Арне Несса о самореализации: «Сам человек, а также другие существа (не исключая, разумеется, и – взаимоотношений с организмами, как внутренними, так и внешними по отношению к его суперэкосистеме. Через суперэкосистему циркулируют вода, различные вещества (как питательные, так и ядовитые) и биогенный воздух. Материальный мир, как в форме инертной, так и живой материи <...> пересекает нечеткие и проницаемые границы суперэкосистемы, которой являемся мы сами. Через поры кожи, с воздухом, который мы вдыхаем в легкие, с водой, которую мы пьем, и с пищей, которую мы едим» [Naess, 2003, 111].

Калликотт верит, что человек есть нечто большее, чем тело и личные интересы. Личность может быть правильно понята только в более широком контексте многочисленных сообществ, к которым она принадлежит – семьи, региона, государства, партии, идеологии, биологического сообщества, и это лишь некоторые из них. Такое широкое и гибкое видение «я» многим современным философам может показаться чрезмерным, но цель Калликотта – ускорить наступление эпохи, которая преодолет современный индивидуализм.

Необходимость смены парадигмы

Все философские устремления Калликотта основаны на простой мысли: чтобы решить серьезные экологические проблемы XXI века, его современникам требуется радикально изменить мировоззрения. Решение не будет найдено до тех пор, пока не произойдет великий сдвиг парадигмы, перефразируя Томаса Куна, на которого явно ссылается Калликотт [Callicott,

1999, 302]. Сам он уверен, что великая смена парадигмы уже происходит и что современное положение вещей обречено на исчезновение.

Калликотт не раз провозглашал конец современной концепции природы, возникшей в результате научной революции XVII века. Эта концепция природы неразрывно связана с фундаментальной дихотомией человека и природы, субъекта и объекта, разума и тела.

Несмотря на авторитет и привлекательность современной концепции природы, ее научное обоснование, по мнению Калликотта, больше не выдерживает критики.

Во второй половине XIX–начале XX веков дарвинизм, экологическая наука и теория относительности грозили дискредитировать картезианский дуализм. Принципы дарвинизма опровергали представление о том, что *Homo sapiens* как вид радикально отличается от других живущих на земле видов; экология подчеркивала центральную роль взаимодействия и взаимозависимости, присущих природе, воплощением которых являются экосистемы. Теория относительности не позволяла провести четкое фундаментальное различие между субъектом и объектом [Callicott, 1989, 165-166]. Эти научные достижения фатально подорвали современное мировоззрение. Экология перестала быть просто одним из разделов биологии. Как и теория эволюции, она приобрела огромное философское значение. Калликотт пошел еще дальше, выдвинув предположение, что наше время может стать одним из редчайших моментов в культурной истории человечества, чем-то вроде греческого Золотого века, когда зародились западное искусство, литература, философия и демократия; или европейской эпохи Возрождения, когда начали формироваться современная наука и техника [Callicott, 1999, 287].

Таким образом, мировоззрение модерна, по-прежнему определяющее человеческие отношения, утверждает Калликотт, является заведомо проигрышной позицией, обреченной уступить место новому мировоззрению. Вопрос заключается лишь в том, когда это произойдет.

Неудивительно, что призыв Калликотта к постмодернистскому видению природы вызвал серьезную критику в экологических кругах, особенно из-за его нападок на понятие дикой природы, так как последнее помогает сохранить антиэкологическую дихотомию природа/цивилизация. На основании его высказываний о том, что природа – это миф и потому не нуждается в защите [Callicott, 2008, 351-354], его обвинили в потворстве противникам защиты окружающей среды. Эти обвинения побудили философа прояснить свою позицию, подчеркнув, что его дарвинистско-леопольдовская натурализация культуры противоположна позиции других постмодернистских философов-экологов, которые окультуривают природу, утверждая, что природа сконструирована культурно (или социально), тогда как Калликотт уверен, что культура развивается естественным образом и остается частью природы [Ouderkirk, 2002, 300].

Для Калликотта характерно стремление устранить философский дуализм, не подвергая опасности основы этики. По его мнению, естественная эволюция наделила человеческий род моральным чувством. Именно поэтому человек может воспринимать себя как часть природы и, следовательно, относится к ней морально.

Калликотт отчаянно пытается отмежеваться от деконструктивизма. Он хочет позиционировать себя как философ-постмодернист, настаивая на том, что его этические положения не приведут к релятивистскому тупику: «В отсутствие всеобъемлющего и культурно разделяемого нового мифа, – пишет он, – мы остаемся с множеством точек зрения, перспектив, многообразных воззрений, каждое из которых имеет равную степень истинности» [Callicott, 1999, 161]. Он оплакивает приход «новых Темных Веков деконструктивных разногласий, без

малейших методологических договоренностей, необходимых для устранения этих разногласий с помощью обоснованной аргументации [Ibid.165]. Главная задача Калликотта – препятствовать пропаганде деконструктивных теорий, которые, по его мнению, могут оказаться разрушительными.

Доминирующая парадигма не только необходима, но и желательна, полагает Калликотт. Он считает свою интерпретацию постмодернизма реконструктивной, поскольку ее функция состоит не в том, чтобы ликвидировать прежние мировоззрения, но, скорее, в том, чтобы помочь человечеству принять обновленное мировоззрение, основанное на уроках дарвинизма, экологии и новой физики.

Однако изменения, вызванные сменой научной парадигмы, являются фактором, который способствует не только принятию эоцентричного подхода к решению стоящих перед нами проблем, но и к нестабильному состоянию этики. Результаты будущих научных исследований в лучшем случае неопределенны. Акцент на изменениях и научных разработках, лежащий в основе этики Калликотта, может таить в себе семена ее распада.

Экология хаоса против этики земли

Калликотт неоднократно заявлял о превосходстве научного метода, который немислим без самокоррекции, над другими подходами. Это, однако, побудило некоторых критиков Калликотта заявить, что экология – слишком нестабильная область, чтобы служить надежным фундаментом этики. Главная слабость этического аппарата Калликотта, заключается в бесконечной способности научного метода подвергать сомнению уровень общепринятых знаний.

Другие его критики, также обеспокоенные нынешним экологическим

положением, утверждают, что всепроникающее влияние деятельности человека на биосферу может привести человечество к попытке еще больше контролировать природу. В книге «21 урок для XXI века» Юваль Н. Харари описал огромный потенциал биотехнологий XXI века, представив геоинженерию как надежное средство борьбы с изменением климата [Харари, 2019]. Согласно этому видению, влияние глобальной индустриальной цивилизации на биосферу стало настолько глубоким и масштабным, что единственным жизнеспособным вариантом остается дальнейший научно-технологический контроль. Альтернативное видение Калликотта, напротив, сводится к радикальному отказу от продолжения картезианского нарратива.

В академических кругах все философские размышления о взаимоотношениях человека с природой, как правило, относились к категории экологической философии, поэтому экофилософы с активной жизненной позицией классифицировались на институциональном уровне как философы-экологи. В их поведении была какая-то неформальность, нервозность, возможно, даже «дикость», на которую философы с исключительно академическими намерениями не особенно стремились претендовать, поскольку философы-экологи нередко стремились позиционировать себя как маргиналов в академической среде.

Примеры экофилософской практики

Рассмотрим более подробно некоторые практики, с помощью которых философы-экологи стремились упрочить свою связь с Землей и пытались приобщить других к такому опыту. Арне

Несс, по легенде, был первым в этом отношении, фактически став ранним прототипом философа-эколога. Хотя он достиг большой известности как философ, он никоим образом не вел жизнь кабинетного ученого и большую часть своей юности, а также значительную часть своей зрелой жизни посвятил приключениям на свежем воздухе – альпинизму, лыжам, трекингу и сплаву по бурным рекам. Еще в двадцатилетнем возрасте он выстроил в северной Норвегии уединенную хижину под названием Твергастейн. На протяжении всей жизни, примерно на три месяца в году, он уединялся там, чтобы заниматься альпинизмом, кататься на лыжах и писать. Добраться до Твергастейна из ближайшей деревни можно было за три часа пешком, поэтому все необходимое (включая строительные материалы) приходилось тащить на себе или перевозить на санях, запряженных лошадьми. Условия были спартанскими, но именно в этой обстановке Несс почувствовал, как его сознание расширяется, охватывая волнующий пейзаж, безгранично простиравшийся вокруг. Именно здесь он написал большую часть своих работ. Когда он разработал собственную экофилософию – или «экософию мудрости», – основанную на идее такого расширенного сознания («экологического я»), он назвал ее «экософией Т», в честь Твергастейна, намекая на мощное влияние, которое окружающий пейзаж оказал на его мышление. Сам Несс в своей биографии, опубликованной на сайте *Open Air Philosophy*, писал, что не считает себя академическим философом. Очевидно, мысль о том, чтобы быть просто академическим философом, то есть вести жизнь, связанную только с разумом, вызывала у него острое чувство дискомфорта.

Экософский образ жизни, лежавший в основе мышления Несса, не ограничивался регулярными вылазками в горные просторы. Несмотря на то, что он происходил из богатой семьи, он не соответствовал представлениям о среднем классе. Будучи убежденным сторонником ненасильственного сопротивления, он участвовал в прямых акциях по защите окружающей среды. В последние годы жизни он путешествовал по миру, популяризируя идеи глубинной экологии, сотрудничая с экоактивистами в разработке ряда мероприятий по повышению уровня экологического сознания.

В своей главной книге «Экология, общество и образ жизни» (1974) Арне Несс изложил взгляды на внутреннюю ценность природы и на отношения между человеком и природой. Для него «все живые существа – часть одного целого», они не являются ни нормой, ни описанием – такова интуитивная реакция. Несс ввел термины «глубинная экология» и «экософия» в 1973 году в статье «Поверхностные и глубинные, долгосрочные экологические движения: краткое изложение». Он противопоставил господствующие движения за «поверхностную» экологию движению за «глубинную» экологию, которая подчеркивала необходимость масштабных изменений в ценностях и практиках, особенно в промышленно развитых странах. Несс назвал книгу Рейчел Карсон «Безмолвная весна» ключевым фактором, повлиявшим на его видение глубинной экологии. С начала 70-х по 90-е годы Арне Несс постоянно стремился развивать и уточнять свои идеи в области данной концепции.

Итак, А. Несс предположил, что движению защитников окружающей среды необходимо делать гораздо больше, чем просто сохранять и защищать природу. По его мнению, необходима радикальная переоценка понимания человеческой природы. Он утверждал, что деградация окружающей среды, вероятно, вызвана неверным представлением о человеческом «я», выработанном в прошлом. Несс полагал, что, когда «самость» рассматривается как одинокое и независимое «эго» среди таких же одиноких и независимых, индивид отрезан от других и окружающего мира. Такое разделение приводит к ловушкам антропоцентризма и к деградации

окружающей среды. Он верил, что необходимо новое понимание себя (называемое «самореализацией»). Согласно экософии и глубинной экологии, «я» следует понимать как неразрывно связанное с природой, как ее часть, «экологическое я». Идея Несса сводится к тому, что реализация экологического «я» сопровождается признанием и соблюдением норм экологической этики, которые призваны положить конец злоупотреблениям, характерным для традиционного «я», находящегося под влиянием антропоцентрических установок. Более того, экологическое «я» станет практиковать «биоцентрический эгалитаризм», при котором каждая природная сущность рассматривается как неотъемлемо равная любой другой сущности.

Главные постулаты данной платформы заключаются в следующем: 1) «Благополучие и процветание человеческой и нечеловеческой жизни на Земле имеют ценность сами по себе.... Эти ценности не зависят от полезности нечеловеческого мира для человеческих целей». 2) «Богатство и разнообразие... способствуют реализации этих ценностей и сами по себе являются ценностями». 3) «Человек не имеет права уменьшать это богатство и разнообразие, кроме как для удовлетворения жизненных потребностей». 4) «Нынешнее вмешательство человека в нечеловеческий мир чрезмерно, и ситуация быстро ухудшается». 5) «Расцвет человеческой жизни и культуры совместим со значительным сокращением населения. Процветание нечеловеческой жизни требует такого уменьшения». 6) «Поэтому необходимо изменить политику... [чтобы] повлиять на базовые экономические, технологические и идеологические структуры...» 7) «Идеологическое изменение заключается главным образом в том, чтобы ценить качество жизни... а не стремиться ко все более высокому уровню...» 8) «Те, кто согласен с вышеизложенными пунктами, обязаны прямо или косвенно участвовать в попытке осуществить необходимые изменения» [Деволл, Сешнс, 2005].

Достижения Арне Несса как философа, эколога и активиста получили широкое признание при его жизни. При этом он не считал себя академическим философом, и одна мысль о том, что жить можно только разумом и наукой, вызывала у него беспокойство и тревогу. Его целью было попытаться жить своей философией, и он старался придерживаться этого правила. Он полагал, что осознание глубинной экологии свойственно каждому человеку; особенно это ощутимо в детстве, когда бабочку или муравья можно рассматривать как родственную душу. Он сожалел, что с годами происходит ослабление такого осознания из-за потери контакта с природным миром. Полноту и активность жизни Несса характеризует и тот факт, что в 61 год он познакомился с китайской студенткой Кит-Фай, которая была младше его на сорок лет, женился на ней через 17 лет и до конца его жизни она оставалась рядом с ним. В 2005 году Арне Несс был посвящен в рыцари и стал кавалером Звезды Королевского норвежского ордена Святого Олафа I степени. За три недели до своего 97-летия, 12 января 2009 года, он скончался в Осло.

Алан Дренгсон также сыграл важную роль в создании самобытной культуры экофилософии. На протяжении всей своей жизни он оставался заядлым альпинистом и путешественником. Как инструктор по альпинизму он наблюдал за тем, как овладение необходимыми навыками оказывает интегративное воздействие на личность обучаемых: по мере того как они становились все более уверенными в себе в плане самосохранения, они обретали все большую уверенность в своей повседневной жизни. Такие способности, как внимание и сонастройка, в значительной степени игнорируются в западных системах образования, где преобладает акцент на абстрактных способах познания. Эти последние приводят не только к сосредоточению внимания на идеях, а не на особенностях природного мира, но и к

отсутствию личностных связей. В результате Дренгсон пришел к выводу, что «дикое путешествие», как он его назвал, – это путь не только к восстановлению связи с природой, но и к исцелению.

Чтобы повысить эффективность путешествий по дикой природе, Дренгсон постепенно добавил к ним другие практики. Они включали в себя специальные дисциплины внимания и сонастройки, присущие различным боевым искусствам, которые учат осознавать течение и структуру энергий не только в собственном теле, но и в окружающей среде. Составив набор взаимосвязанных практик, Дренгсон развил идею «Дикого пути» как интегрированного тренинга познания и бытия, предложив его в качестве эмпирической основы для философии глубинной экологии – эмпирического пути перехода к экологическому сознанию.

Осознав, что экологическое сознание требует интеграции различных сторон человеческого существования – тела и разума, чувства и познания, воображения и теории, – Дренгсон пришел к мысли о необходимости в журнале по экофилософии, отражавшем подобный целостный взгляд на мир. В 1983 году как выражение такой когнитивной интеграции был основан журнал *Trumpeter*, в котором читатели могли найти прекрасное сочетание рисунков, поэзии, прозы, свидетельств от первого лица и философских размышлений.

Большинство ранних экофилософов в целом разделяли веру Несса и Дренгсона в ландшафт как в учителя, способствующего формированию экологического сознания. В информационном бюллетене № 6, опубликованном Джорджем Сешнсом в 1984 году, были приведены слова Билла Деволла о том, что «глубинная экология в конечном счете основана на чувственности (т.е. открытости эмоциям и впечатлениям), а не на рациональности (т.е. открытости данным... и логическим выводам, но закрытости для эмпатического понимания».

Наконец, при описании экофилософских практик важно упомянуть о незаменимости работы в группе, даже если это не особо подчеркивается в экофилософской литературе. Для того чтобы достичь и впоследствии поддерживать тот вид полной трансформации сознания, который подразумевает экофилософия, обычно требуется социальный контекст: группа единомышленников, преданное своему делу сообщество друзей эпикурейского типа. Иными словами, любое знакомство с экофилософией как образом жизни с большей вероятностью увенчается успехом в контексте общения. Подобным же образом люди в античном мире ожидали, что станут философами только в компании единомышленников.

Философы-экологи указывали своим единомышленникам на те или иные практики, с помощью которых возможно привести свое психическое и физическое состояние в соответствие со своими убеждениями, мотивируя их не просто стремлением защищать Землю на идеологическом уровне, но и примером собственной жизни, предлагая потенциальным экоактивистам богатый выбор путей достижения этой цели.

В таком случае, может ли экофилософия стать тем учением, которому сегодня удалось бы воспроизвести некоторые элементы прежнего понимания философии как пути к мудрости?

Если бы какие-либо из этих древних школ возникли сегодня, то, вероятно, они могли бы принять экологическую форму и, более того, если рассматривать их через экологическую призму, они бы в значительной степени сблизились. Эпикурейский атомизм, вероятно, был бы полностью вытеснен как несостоятельный и заменен холизмом стоического типа, должным образом экологизированным; однако элемент спонтанности, царящий в эпикурейском атомизме, был бы привнесен в стоицизм, немного ослабив цепи его детерминизма и позволив вторжение в повседневность. Желание как сила, обеспечивающая самосогласованность

организма, была бы восстановлена в своих правах при условии, что она оставалась бы под руководством (экологизированного) Универсального разума.

Тогда представляется, что фигура философа-эколога потенциально возвращает философию к ее древней, житнетворной, но ныне утраченной традиции западной цивилизации. Это традиция предназначалась в первую очередь не для социальной элиты или профессионалов, а для размышляющих обывателей. Как современное воплощение этой изначальной традиции, фигура экофилософа в современном западном обществе могла бы претендовать на значительную аутентичность, авторитет и весомость. Для тех из нас, кто хочет отойти от современной техноиндустриальной цивилизации экофилософ мог бы предоставить социальную лицензию на пренебрежение к культурным нормам и сопротивление социальному давлению.

Современная экофилософия, безусловно, вобрала в себя некоторые ключевые идеи античности, в частности, эпикурейский дух добровольной простоты и близости к природе, а также холистический подход стоицизма, порождающий его космически осмысленный идеал «всеобщего блага». Соответственно, сегодня под «всеобщим благом» следует понимать процветание экосистемы – биосферы, в которую встроены экосистемы, и космосферы, в которую встроены биосферы. Руководствуясь Универсальным разумом, мы должны были бы стремиться не просто к справедливости в межличностных и социальных отношениях, как это делали стоики, но и к экологической справедливости – к процветанию каждого из взаимосвязанных уровней реальности.

Упрощая свои желания в соответствии с учениями эпикурейцев и живя ближе к природе, мы отказываемся от потребительского образа жизни современного индустриального мира и тем самым стремимся к общему (экологическому) благу. Эпикурейская награда за такой выбор – возможность по-настоящему осознать реальность собственного существования и насладиться несравненной полнотой этого опыта, – также может быть переосмыслена через призму стоического/экологического холизма: теперь этот опыт может быть расширен так, чтобы наслаждаться не только реальностью собственной телесности, но и проникнуть в многослойные, чувственные измерения планеты.

Таким образом, экофилософия потенциально предлагает мыслящим людям радикальный путь, ведущий от иллюзий нашего времени к более адаптивной жизни, основанной на прямом, непосредственном контакте с настоящим.

Сегодня на Западе многие готовы отказаться от цивилизации, которую они воспринимают как предавшую их и, хуже того, предавшую жизнь на земле. Чтобы совершить подобный эпохальный прорыв, эти люди нуждаются в ориентирах, вокруг которых они смогут создать новую идентичность, новые устремления и объединиться в единую силу. Коль скоро речь идет о сохранении биосферы, необходимы крупномасштабное вмешательство в экономический и политический механизм общества, значительные изменения в политике и экономических нормах и ценностях. Но для того, чтобы политическая агитация оказалась эффективной, она должна опираться на убеждения, которые искренне разделяются проводящими ее людьми. Их требования будут убедительными лишь тогда, когда они на примере собственной жизни будут способствовать тем радикальным изменениям, на которых они настаивают. Людям, воспитанным в рамках западной культуры, экофилософия могла бы указать ориентиры, соответствующие их собственной традиции, и в то же время вооружить их против бездумного следования пути, полному потере и неопределенности.

Попытки решения – экологическая этика

Актуальность экологических проблем в современном мире связана не только, а точнее, не столько с загрязнением окружающей среды, сколько с кризисом современной цивилизации, кризисом духовности, морали и современной культуры в целом.

Не только развитие человеческого общества, но и эволюция биосферы зависят от экономических законов и подчиняются их логике, которая не совпадает, а скорее противоречит логике коэволюционного развития общества и природы, порождая всё новые и новые кризисы в различных сферах. Однако именно в контексте философского знания, а точнее, экологической философии, необходимо попытаться разработать системный, общий, коэволюционный подход к формированию новой парадигмы развития общества и его взаимодействия с окружающей средой, которая будет включать в себя знания из конкретных наук, сформировавшихся на данный момент.

С этой точки зрения чрезвычайно интересен доклад Римского клуба, посвящённый пятидесятилетию организации и проблемам фундаментальных изменений в существующей парадигме развития цивилизации. Вторая часть доклада посвящена идеологическим вопросам. Отказ от упрощённого, фрагментарного восприятия мира, редукционизма и антропоцентризма в пользу целостного синкретического восприятия реальности отражён в философской концепции «Нового Просвещения». С точки зрения авторов доклада, общество, придерживающееся этой концепции, будет открыто для развития, но в то же время будет ценить стабильность и заботиться о своём будущем. Центральными категориями и важнейшими характеристиками «Нового Просвещения» станут такие понятия, как «синергия», «взаимодействие», «компромисс» и «баланс».

Достижение баланса необходимо в следующих сферах человеческой деятельности: во взаимоотношениях между человеком и природой (экологическое самосознание); между краткосрочными и долгосрочными целями; между индивидуализмом и коллективизмом, между развитием и стабильностью, между равенством и справедливым социальным вознаграждением и т. д. Таким образом, идеологическая концепция «Нового Просвещения» может стать тем самым ответом, тем самым выходом из сложившейся кризисной ситуации, решение которой видится исключительно в рамках философского подхода. Однако здесь важно отметить, что практическая реализация всех вышеперечисленных предложений по изменению, трансформации и созданию новых мировоззренческих концепций и философских парадигм обязательно будет сопровождаться (как и любые значительные изменения) большими рисками для всех субъектов и объектов этих изменений. Поэтому эти изменения следует внедрять в рамках анализа рисков, с учётом трудностей, предложений и вариантов развития ситуации.

Уникальность философского подхода заключается в том, что он направлен на формирование целостного и интегрированного мировоззрения, которое позволит координировать вектор развития как отдельных личностей и государств, так и человечества в целом. В то же время многие аспекты этого вопроса могут быть объединены в рамках нового направления философии – экологической философии.

Для разрешения экологических кризисов требуются не столько практические действия и разработка новых технологий, сколько экологический пересмотр нашей философии и морали.

Экологическая этика призвана изменить ценностные приоритеты развития человечества в обозримом будущем. Начальным этапом формирования экологической этики является

экологический кодекс. Экологическая этика основана на универсальных ценностях и является неотъемлемой частью глобальной морали.

Робин Атфилд, английский историк науки и философ, специализирующийся в области экологической философии и экологической этики, преподаватель философии в университете Кардиффа, отмечает, что некоторые ученые выдвигают теорию, согласно которой источником экологических проблем является иудейско-христианская вера в то, что человечество было создано для господства над природой; вера, которую, по данной теории, можно интерпретировать и как позволяющую людям обращаться со своим природным окружением, как им угодно. Р. Атфилд полагает, что в настоящее время следует признать, что религиозные идеи внедрялись в жизненный обиход как оправдание социального и технического развития.

Живые существа, по аналогии с человеком, подразделяются у Атфилда на ранги в зависимости того, в какой мере они обладают духовными, мыслительными и психическими способностями. Чем отчетливее проявляются зачатки этих способностей, тем выше статус того или иного существа. С этой позиции земля, неодушевленные вещи, экосистемы не должны иметь нравственный статус, в этом Атфилд расходится с идеологами «этики земли».

Экологическая этика заставляет людей чувствовать огромную ответственность за наше отношение к природе. Богатства Земли являются достоянием всего человечества, и это налагает на человека особые обязанности.

В последние десятилетия философы выдвигают следующее предположение: внутренняя ценность тела является свойством этого тела, и задача философа-эколога состоит в том, чтобы обнаружить это свойство в каждом теле, будь то с помощью какой-либо интуиции или другой формы исследования. Арне Несс назвал это свойство *egenverdi*, что переводится как собственное значение тела, простое свойство ценности, которым обладает само тело. Ценность тела не определяется оценкой этого тела или отношений с ним человеческого субъекта, что сделало бы его предполагаемую внутреннюю ценность предметом человеческого мышления.

Робин Атфилд обращает внимание на то, что некоторые учёные считают и даже выдвигают теорию о том, что источником экологических проблем является иудео-христианская вера в то, что человечество было создано для господства над природой. Согласно этой теории, такая вера позволяет людям управлять окружающей средой. Р. Атфилд считает, что в настоящее время следует признать, что религиозные идеи проникли в повседневную жизнь в качестве обоснования социального и технологического развития.

Атфилд наделяет живые существа моральным статусом, аналогичным статусу человека, обладающего духовными, умственными и психическими способностями. Чем ярче проявляются зачатки этих способностей, тем выше статус конкретного существа. С этой точки зрения Земля, неодушевлённые предметы и экосистемы не должны обладать моральным статусом, в чём Атфилд не согласен с идеологами «этики Земли»

Экологическая этика заставляет людей чувствовать огромную ответственность за наше отношение к природе. Все богатства Земли являются достоянием всего человечества, и это налагает на человека особую ответственность перед природой.

Человеческие ценности основаны на объективно определяемых экологических отношениях с природой. Человек должен следовать экологическим законам природы, то есть исходить не только из собственных потребностей и соображений, но и глубоко чувствовать потребности природы. Единство человека с окружающей его природной средой является основой человеческих ценностей.

В последние десятилетия философы выдвинули следующее предположение: внутренняя ценность объекта – это свойство самого объекта, и задача философа-эколога – выявить это свойство в каждом объекте, будь то с помощью интуиции или других форм исследования. Арне Несс назвал это свойство *egenverdi*, что переводится как «собственная ценность объекта», то есть простое свойство ценности, которым обладает сам объект. Ценность тела не определяется оценкой этого тела или отношением к нему человека, что сделало бы его воспринимаемую внутреннюю ценность предметом человеческого мышления.

Основной императив экологической этики заключается в том, чтобы позволить нечеловеческим существам говорить самим за себя. На основе этой критики была разработана альтернативная концепция внутренней ценности как свойства. Внутренняя ценность тела – это объективное свойство этого тела, которое можно обнаружить с помощью наблюдения.

Арне Несс часто писал о том, что неотъемлемым ценным свойством тела является его способность к тому, что он называл самореализацией, то есть способность «жить и процветать».

В правильном понимании внутренней ценности ценность тела сама по себе является свойством этого тела, будь то способность страдать, конативность, некоторая стабилизирующая роль в экосистеме, способность к самореализации или какое-либо другое свойство.

Подводя итог, можно подчеркнуть, что подлинные причины экологического кризиса, нависшего над Планетой, таит в себе современная мировоззренческая парадигма. Представители экологических движений конца прошлого века, к числу которых относятся Рейчел Карсон, Арне Несс, Джордж Сешнсом, Джон Сид, Джоанна Мэйси, Пэт Флемминг и многие другие, остро поставили вопрос о необходимости защиты окружающей среды. Своими расчетами, прогнозами и действиями они старались предупредить человечество о неминуемом коллапсе. Поэтому одна из важнейших задач, стоящей перед учеными – вывести экологическую философию из кризиса и выработать предложения по предотвращению экологической катастрофы на основе онтологических и аксиологических ориентиров.

Изменение климата

В последние десятилетия экологические проблемы становятся всё более актуальными. Одной из самых важных, хотя и не единственной, является проблема изменения климата, которая уже оказала пагубное влияние на благополучие миллионов людей в разных странах. По оценкам Всемирной организации здравоохранения, в период с 2030 по 2050 годы этот процесс приведёт к 250 000 дополнительных смертей в год от недоедания, малярии, диареи, теплового удара и других причин (Всемирная организация здравоохранения, 2023). Существуют и другие глобальные и локальные экологические проблемы, которые требуют срочных действий со стороны международных организаций, национальных правительств и обычных граждан разных стран.

Например, в России такие темы, как загрязнение окружающей среды и сохранение региональных природных ресурсов, в том числе памятников природы, которые зачастую имеют большое историческое и культурное значение для местного населения, привлекают внимание общественности. Возникающие в результате противоречия между различными группами интересов могут привести к значительному росту социальной напряжённости и периодическим открытым конфликтам.

Пожалуй, самыми известными подобными случаями в Российской Федерации за последние годы стали протесты жителей станции Шиес в Архангельской области против строительства

мусорного полигона в непосредственной близости от неё [Чмель, Климова, Митрохина, 2020], а также борьба этнических и экологических активистов с планами по добыче известняка на шихане Куштау в Башкирии [Снарский, 2024].

В то же время многие люди, как политики и высокопоставленные чиновники, так и обычные граждане, до сих пор не осознают в полной мере, насколько серьёзна экологическая ситуация в мире, и не принимают необходимых мер для её улучшения. Поэтому научные исследования, направленные на выявление ключевых факторов, определяющих отношение людей к защите окружающей среды и способствующих повышению осведомлённости об экологических проблемах, а также готовности предпринимать конкретные действия для их решения, имеют первостепенное значение для общества, в том числе как основа для разработки прикладных решений, направленных на стимулирование экологического поведения.

По словам Джереми Лента, писателя, основателя «Deep Transformation Network» – глобального онлайн-сообщества, исследующего пути культурной трансформации и движения человечества к более жизнеутверждающему будущему на возрождённой Земле (Беркли, Калифорния, США): «чрезвычайная экологическая ситуация является наиболее очевидной причиной для беспокойства. То, что когда-то было зловещими предупреждениями о будущих экологических потрясениях, лесных пожарах, наводнениях и засухах, теперь стало основной темой ежедневных новостей. Правительства не выполняют даже те сравнительно скромные обязательства по сокращению промышленных выбросов, которые сами по себе недостаточны, чтобы избежать катастрофического глобального потепления в этом столетии. Мы быстро приближаемся к переломному моменту климатических изменений, которые коренным образом изменят экологическую ситуацию в мире. Очевидно, что сложившаяся цивилизация не только является ведущей причиной экологического неблагополучия планеты, но и серьёзных проблем, связанных с социальной, экономической и гуманитарной ситуацией. В совокупности эти проблемы в обозримой перспективе могут привести к коллапсу цивилизации, если человечество радикально не изменит курс своего развития. Климатические изменения являются симптомом более серьёзной проблемы экологического ущерба, который наша цивилизация наносит жизни на Земле. Даже если бы климатический кризис каким-то образом удалось взять под контроль, нынешняя ориентированная на рост модель экономического развития в будущие десятилетия всё равно поставит человечество лицом к лицу с множеством экзистенциальных угроз» [Лент, 2024, 40].

Существует несколько отличная точка зрения на изменения климата и реакцию на них, а именно: на состоявшемся 14 февраля 2025 года в рамках Недели российского бизнеса РСПП Климатическом форуме «Новые вызовы глобальной климатической политики – возможности и риски для бизнеса», организованном при участии Комитета РСПП по климатической политике и углеродному регулированию, выступил председатель климатического комитета Андрей Мельниченко. Он отметил, что ожидания сторон, существовавшие на момент подписания Парижского соглашения, не сбылись. «Развивающиеся страны рассчитывали, что на них не ляжет бремя сокращения эмиссий, так как они исторически не ответственны за глобальное потепление, при этом рассчитывали получить денег на то, чтобы справляться с последствиями изменения климата, от которых они страдают. Но по факту денег получили в десятки раз меньше, да еще и не на то, что действительно важно – улучшение доступа к воде, эффективности сельского хозяйства, – а на то, что выгодно продавать западным странам: солнечные батареи, ветряки и прочие вещи, создающие рынок для западных игроков», – заявил Андрей Мельниченко.

При этом он отметил, что и в западных странах происходит пересмотр повестки. Помимо выхода США из Парижского соглашения, который обусловлен превращением США из импортера в экспортера энергоресурсов, случившимся уже после подписания Парижского соглашения, утрата актуальности зеленой повестки заметна и в Европе. «Сейчас мир стоит перед выбором: продолжать бороться с выбросами или переключиться на адаптацию. Если станет ясно, что предотвратить изменения невозможно, то Парижское соглашение утратит актуальность. Будет создана новая архитектура климатического регулирования, где акцент сместится на адаптацию, помощь развивающимся странам и предотвращение глобальных рисков», – заявил Андрей Мельниченко.

Резюмируя, Мельниченко отметил, что страны при формировании климатической политики действуют исходя из своих национальных интересов, и это вполне понятно [Мельниченко, 2025].

Философия «свалки»

Кроме климатических угроз, серьезную опасность для планеты и ее жителей представляет свалка материальных объектов, а также бесконечные потоки разнообразной информации, тоже своеобразная «свалка».

Майкл Мардер – профессор-исследователь кафедры философии Университета Страны Басков, работает в феноменологической традиции континентальной философии, экологической мысли и политической философии. В 2020 г. Мардер издает книгу «Dump Philosophy. A Phenomenology of Devastation» (Bloomsbury, 2020), в которой утверждает:

«Нам не нужно далеко ходить, чтобы найти множество свидетельств превращения мира в свалку. Массовые выбросы токсинов, CO₂, химических пестицидов, гербицидов и других подобных веществ наполняют окружающую среду и изменили атмосферу, мировой океан и почву. Можно говорить о фундаментальном (по сути, хайдеггеровском) различии в философском значении понятий Земли и Мира, в соответствии с которыми превращение мира в свалку не означает такого же состояния Земли. Но я думаю, что эпоха, в которой мы живем, свидетельствует, что судьба мира связана с судьбой Земли, и больше не укоренена в глубоком и непостижимом источнике смысла. Земля как источник высшего смысла как бы исчезла: она не является метафизически неприкасаемой, целой и невредимой, испытывая быстро разворачивающиеся антропогенные разрушения. Геологическая эпоха, называемая антропоценом, сигнализирует о стирании различия между Землей и Миром (...) Мир и Земля уже не автономны. Но, помимо физического загрязнения среды, мы также можем видеть загрязнение мира огромными потоками информации, которая делает невозможными любые связные повествования. Постоянно растущие социальные сети умножают ее до бесконечности, сводя на нет более глубокие узы взаимоотношений. Разрушены старые иерархические системы оценок. Их вытеснили одномерные оценки, не допускающие уникальности. Хотя все эти тенденции кажутся проистекающими из различных областей бытия, они действуют как силы, направленные на превращение мира в помойку, мешанину из разрозненных смыслов» – говорит он в интервью С. К. Левину, доктору философии, профессору Йоркского университета (Торонто, Канада) для журнала «Экопозис» [Мардер, 76-83]. Мардер подчеркивает: «Сегодня нет мышления, которое не происходило бы не на свалке, и процесс познания также протекает на свалке. Но, в то время как все мышление затрагивает свалку, не всякое мышление – свалка.

Я предлагаю использовать возможности критического мышления. Моя книга, действительно, представляет собой свалку идей, но в которой содержатся попытки развить самосознание свалки. Принимая во внимание эту оговорку, мы могли бы начать действовать внутри самой свалки, преобразовывая ее во что-то другое (...) такое начало не может означать разрыв с прошлым, начало с чистого листа, о чем мечтали различные мыслители на заре современности. Напротив, это подразумевает восстановление разорванных связей между ростом и распадом, вдохом и выдохом, жизнью и смертью. Это также означает, что нужно учиться быть посередине, занимая преимущественно растительное и экзистенциальное положение, особенно, находясь в центре свалки. Задача непростая, потому что она может быть решена каждым по отдельности, каждым по отношению к другому и другим, а также всеми вместе, причем, на психологическом, экономическом, политическом и этическом уровнях. Нулевой точкой для нас являлось бы достаточно полное осознание той безрадостной ситуации, в которой мы находимся. Именно из этой нулевой точки проистекает любая возможность движения и поворота».

Образ свалки представлен и в книге «От колыбели до колыбели»:

«Представьте себе, что вы пришли к типичной свалке: старая мебель, обивка, ковры, телевизоры, одежда, обувь, телефоны, компьютеры, сложные изделия, пластиковая упаковка и органические материалы, такие как памперсы, бумага, дерево и пищевые отходы. Большая часть этих продуктов была сделана из ценных материалов, на которые пошли усилия и денежные затраты, и которые представляют собой материальные ценности на миллиарды долларов. Биоразлагаемые материалы, такие как пищевые отходы и бумага тоже имеют ценность – они способны разложиться и вернуть почве биологические питательные вещества. К сожалению, все эти вещи громоздятся на свалке, где их ценность бесполезна. Они – конечные продукты индустриальной системы, сконструированной по линейной, односторонней модели «От колыбели до могилы». Ресурсы добыты, продукты из них созданы, проданы и, в конечном счете, оказались в своеобразной «могиле», обычно на свалке или в мусоросжигательной печи» [Браунгарт, МакДонах, 2020, 22].

Авторы книги Уильям МакДонах и Михаэль Браунгарт предлагают заменить привычный принцип создания и потребления вещей – «от колыбели до могилы» (cradle to grave) – на экорезультативный «от колыбели до колыбели» (cradle to cradle). Этот принцип предполагает безотходное производство: любой товар после использования может быть беспрепятственно переработан, вторично использован либо компостирован (возращен в окружающую среду и естественный круговорот веществ), тем самым образуя замкнутый непрерывный цикл.

Авторы книги бросают вызов традиционному представлению о том, что человеческая деятельность неизбежно наносит вред природе. И они предлагают взять за образец саму природу. Например, вишневое дерево дает тысячи цветов, чтобы создать другое дерево. Авторы не считают такое изобилие расточительным, напротив, они расценивают это явление как безопасное, красивое и высокоэффективное. Они приводят следующий пример: «Мы знаем, как выглядит экоэффективное здание. Оно сильно сберегает энергию. Оно минимизирует проникновение воздуха, плотно закрывая места, куда он может просочиться. (Окна не открываются). Оно уменьшает поступление солнечного света при помощи затемненных стекол, уменьшает расход холода в системе кондиционирования и поэтому сокращает количество энергии, получаемой из ископаемого топлива. Электростанция, в свою очередь, уменьшает количество выбросов, загрязняющих окружающую среду, и, кто бы ни оплачивал счет за электроэнергию, он потратит меньше денег. Местные коммунальные и энергетические власти

награждают это здание за самое эффективное энергосбережение на данной территории и провозглашают его моделью экологически осознанного дизайна. Если бы все здания были спроектированы и построены подобным образом, говорят они, то бизнес мог бы надлежащим образом взаимодействовать с окружающей средой и в то же время экономить деньги». Далее авторы предлагают вообразить дом, какой построило бы «расточительное» вишневое дерево:

«Теперь давайте представим себе, как поступит вишневое дерево: в дневное время свет проникает внутрь. Прекрасные виды на улицу в большие, незатемненные окна – каждый из жильцов может наслаждаться пятью видами, где бы он ни находился. Прекрасная еда и напитки по доступным ценам для служащих в кафе, открытом в залитом солнцем дворе. В офисном пространстве каждый из них контролирует приток свежего воздуха и температуру своих персональных вентиляционных зон. Окна открыты. Система охлаждения увеличивает до предела естественные потоки воздуха, как в гасиенде: ночью система омывает здание прохладным вечерним воздухом, снижая температуру и очищая комнаты от застоявшегося воздуха и токсинов. Слой естественных трав покрывает крышу здания, делая ее более привлекательной для певчих птиц, поглощая дождевую воду и в то же время защищая крышу от температурных перепадов и разрушительного воздействия ультрафиолета» [Там же, 2020,73-75].

«Отходы – это пища» – таков первый принцип, предложенный Майклом Браунгартом и Уильямом МакДонахом. Продукты могут быть адаптированы для того, чтобы после окончания срока службы стать питательной средой для чего-то нового – «биологическими питательными веществами», которые безопасно возвращаются в окружающую среду, или «техническими питательными веществами», которые остаются в замкнутом цикле технологических процессов.

Ключевые концепции философии «от колыбели до колыбели» интуитивно понятны и основаны на подражании природе или, скорее, на связи с ней.

- Использование солнечной и ветровой энергии вместо энергии, накопленной в материалах, которые перерабатывались внутри планеты на протяжении тысячелетий (ископаемое топливо).
- Полное замыкание материальных круговоротов: в экосистемах планеты не существует понятия мусора. Наше общество может сделать то же самое, проектируя все продукты таким образом, чтобы материалы перерабатывались для одного и того же использования или перерабатывались «вверх», что означает, что следующее использование имеет большую ценность, чем текущее. Текст предлагает два независимых и несмешиваемых материальных цикла: биологический цикл (еда) и технический цикл (устройства).

В целом складывается ощущение, что было бы лучше, если бы нас здесь не было, если бы мы не загрязняли окружающую среду и не уничтожали различные виды животных каждый день, но с этой точки зрения очень сложно быть креативным и по-настоящему позитивным. Попытаться стать «менее плохим» – не выход. Однако быть хорошим тоже может быть интересно. Современные технологии позволяют нам разрабатывать процессы и продукты таким образом, чтобы потребление приносило пользу планете, как это было в экосистемах с незапамятных времён.

Композитор и философ Владимир Мартынов пишет о «свалке» и о роли человека: «с точки зрения более длительных временных отрезков, например, хотя бы со времени образования Солнечной системы и формирования Земли. Наверное, нам приятнее было бы думать, что

высшее предназначение человека состоит в создании чего-то подобного «Критике чистого разума», Девятой симфонии или теории относительности, но на самом деле, скорее всего, оно заключается в порождении радиоактивных отходов, углеводородных отложений и пластикового мусора, ибо все это изменяет окружающую нас космическую действительность гораздо ощутимее и радикальнее, чем все великие философские, музыкальные и научные свершения вместе взятые. Хотя, если посмотреть с другой стороны, то выходит, что, не будь всех этих великих свершений, не было бы ни радиоактивных отходов, ни углеводородных отложений. Поэтому правильнее было бы сказать, что предназначение великой философии, великой музыки и великих научных теорий заключается в появлении неких субстанций, которые мы называем то мусором, то отходами и которые самым неожиданным образом могут привести к возникновению новых космических форм жизни и сознания. А может быть, космическое предназначение человека заключается в том, чтобы просто являться некоей биологической средой, мутируя в которой, вирус мог образовывать все новые и новые штаммы, то есть являться неким пространством, на просторах которого разворачиваются события ковид-революции». С точки зрения Мартынова, «опустошенность, заброшенность, внесенные современной наукой в представления человека о себе и о космосе, привели к тому, что человечество утратило возможность наделять мир смыслом – возможность, которая и позволяла ему обитать в своей среде как в своем доме. С ее утратой выяснилось, что мир сможет обойтись без человечества, и, следовательно, последнее становится «избыточным», как говорил Сартр».

Мартынов рассматривает пандемию ковида (статья опубликована в декабре 2021) как возможность для человека пересмотреть представление о себе:

«Невиданная концентрация творческого потенциала человека, породившая великую человеческую цивилизацию, стала возможна только после того, как земледelec Каин убил пастуха Авеля, то есть после того, как человек культуры отделил себя от собственной докультурной «глубинной» истории, редуцировав свою природу и свое сознание к тому, что осталось после этого отсечения, и полностью ассоциируя себя с этим остатком. До поры до времени на эту редукцию человека можно было закрывать глаза, но введение Бруно Латуром понятий посредников, медиаторов и нечеловеков, теория гиперобъектов Тимоти Мортонa, наконец, обращение к теории антропоцена – все это возобновило дискуссию о крушении стены, отделяющей пространство культуры от пространства природы, или, что то же самое, пространство людей от пространства нечеловеков, в результате чего человеку, редуцированному к человеку современного мегаполиса, просто не осталось места в сложившейся ситуации. Может быть, все это так и продолжало бы пребывать на уровне разговоров, но ковид-революция превратила их в неизбежную реальность, окружающую нас со всех сторон и находящуюся у нас внутри. В этом смысле ковид-революцию можно рассматривать если не как спасение, то, во всяком случае, как нечто полезное для человека, ибо она заставляет нас фундаментально пересмотреть представление о себе. Если до начала ковид-революции проблема этого пересмотра казалась вопросом внутреннего выбора и внутреннего решения человека, то теперь стало абсолютно ясно, что этот выбор и это решение осуществлены уже помимо нашей воли и не нами, что мы поставлены перед фактом фундаментального изменения статуса человека и что нам остается только принимать или не принимать этот факт во внимание, от чего, впрочем, уже ничто не может измениться вне нас, но зато может измениться внутри нас, и именно к такому внутреннему изменению так настойчиво подталкивает ковид-революция» [Мартынов, 2021].

Отношения с окружающим миром и поиски выхода из сложившейся ситуации

В статье «Экология как путь к объединению знания о естественном и социальном в человеке» И.К. Лисеев противопоставляет идеям трансгуманизма мнение Э.В. Гирусова о правах природы. Поддерживая позицию Гирусова, Лисеев призывает отказаться от прогрессистских иллюзий прошлого и перейти к осознанию специфики устойчивого цивилизационного развития на современном этапе. «Это устойчивое развитие предполагает коэволюцию общества и природы, т.е. такое соразвитие общества и природы, при котором обе составляющие части этой единой системы не противостоят друг другу, не конфликтуют, а органично предполагают друг друга в их совместном, сопряженном гармоничном развитии. Такая ситуация, помимо всего прочего, объясняется и тем, что пока что не замечают возможности синтеза этих двух направлений культуры. А такие возможности, с нашей точки зрения, сейчас есть. Речь идет о набирающем силу таком направлении научного знания, как экология» [Лисеев, 2020].

Тонкий и внимательный ученый, Майкл Мардер, прослеживает роль живой природы, в частности, растительной жизни, на материале истории философии: «Несмотря на широко распространенную концептуальную аллергию на растительную жизнь – на самом деле, фитофобию, – философская традиция на Западе не могла совсем обойти проблему растений. Философы отводили им подчиненное место в своих системах, используя прорастание, рост, цветение, плодоношение, размножение и гниение как иллюстрации к абстрактным концепциям, упоминая их мимоходом как фон для своих диалогов, писем и других произведений; употребляя в изысканных аллегориях и рекомендуя соответствующее медицинское, диетическое и эстетическое применение отдельных растений.

Большая часть этих соприкосновений с флорой была быстротечна и маргинальна, словно растения не заслуживают таких же сосредоточенных размышлений и теоретического внимания, какие полагаются другим существам. Но наша перефразировка философских данных, в лучшем случае, фрагментарная, в отношении растений, предназначена не для того, чтобы повторять неудачи прошлого. Книга «Растения философов» кардинально меняет метафизическую традицию и освещает тщательно разработанные основные элементы и скрытую суть теоретического дискурса с перспективы того, что было отнесено к его растительным обочинам. Короче говоря, эта книга поднимает занавес над ролью растений в становлении (и развитии) мысли» [Мардер, 2025, 14].

В последние десятилетия изменяется отношение к животным, горячим сторонником этих изменений стал Питер Сингер, австралийский философ, публицист, профессор биоэтики Принстонского и Мельбурнского университетов. В 1975 году выходит его книга «Освобождение животных» (Animal Liberation). Эта публикация показала, что прежняя основная парадигма философии – гуманизм – переосмысливается и на смену ей приходят новая система, в которой человек не является «мерой всех вещей», а занимает равноценное и равноправное положение с представителями всех видов жизни на Земле. Книга положила начало современному Движению в защиту прав животных. Главное ее утверждение о том, что животные заслуживают этического отношения, привлекло тысячи последователей. Революционность этой доктрины заключалась в том, что прежнее сентиментальное покровительство животным, просуществовавшее до середины XX века, осуждало лишь

человеческую жестокость, однако для новой общественной деятельности Сингер предложил иную, правовую сторону взаимоотношений человека и других живых существ. Это связано с вышеупомянутым философским поворотом и пересмотром устоявшихся понятий, общепринятых в человеческом обществе. «Расцвет правозащитных движений, ратующих за включение в политическое, этическое, социальное и другие поля новых агентностей <...> предлагает рассматривать животное как универсальный пример инаковости, способной не просто сосуществовать рядом с человеком, но и являться неотъемлемой частью его самовосприятия», – пишет М. Козырева [Козырева, 2021]. Книга Сингера «Освобождение животных» – это «библия движения за права животных».

Люди совершают этический выбор гораздо чаще, чем это осознают. В результате стремительного изменения окружающего мира – глобализации, цифровой революции, бурного развития науки – человек часто оказывается не в состоянии сделать моральный выбор. «Наша интуиция, развивавшаяся эволюционным путем, – рассуждает Сингер, – не гарантирует нам правильных или логичных решений моральных дилемм. Что было хорошо для наших предков, сегодня может оказаться уже не так хорошо».

Стивен Пинкер, канадско-американский ученый и популяризатор науки, в книге «Лучшее в нас» пишет: «Называть происходящее можно как угодно: освобождением животных, правами животных, гуманным обращением с животными или защитой животных, но после 1975 г. в западной культуре стабильно росла нетерпимость к насилию в отношении животных. Изменения заметны как минимум в полудюжине областей» [Пинкер, 2021, 582]. В заключение раздела, посвященного положению животных, автор пишет, что существующие трудности «не позволят движению за права животных повторить динамику других революций прав. Но вопрос, где же мы проведем финишную черту, еще не актуален. Сегодня у нас есть масса возможностей значительно сократить страдания животных при относительно небольших издержках для людей. Учитывая недавние перемены в людской чувствительности, жизнь животных, несомненно будет улучшаться» [Там же, 594].

В последние годы большую роль в распространении знаний о мире вокруг нас сыграли такие ученые как Дэвид Аттенборо, телеведущий и натуралист, один из пионеров документальных фильмов о природе, режиссёр и ведущий документальных сериалов о природе, подробно рассказывающих обо всех формах жизни на Земле и их взаимодействии, а также Джейн Гудолл, британский приматолог, этолог и антрополог, посвятившая жизнь изучению шимпанзе. Во многом благодаря СМИ результаты их работы стали популярны и ввели массового зрителя и читателя в сложный и завораживающий мир жизни планеты. (В частности, это сериалы Д. Аттенборо «Жизнь на Земле», «Живая планета», а также книги Д. Гудолл «Мои друзья – дикие шимпанзе», «В тени человека», фильмы «Жизнь среди шимпанзе», «Шимпанзе в опасности»).

О возросшей роли природы в жизни и мироощущении человека свидетельствуют, например, книга Клоди Хунцингер «Собака за моим столом», фильм Ильдико Энъеди «Молчаливый друг» (2025), представленный на 82-м Венецианском фестивале.

Картина объединяет три истории, свидетелем которых становится столетнее величественное дерево гинкго, стоящее в самом сердце ботанического сада средневекового немецкого университета. Дерево становится полноправным участником фильма, напоминая зрителям о существовании целого «мыслящего океана» рядом с нами – непознанного и непознаваемого.

На Берлинском кинофестивале 2020 г. был показан фильм российского режиссера-документалиста Виктора Косаковского «Гунда». Это подробное описание жизни свиньи по

имени Гунда, ее поросят и соседей по ферме – кур и коров. В фильме вообще нет людей, диалогов и даже музыки – только крупные планы животных под звуки природы. Вот что пишет о фильме кинокритик Антон Долин, высоко оценивший работу Косаковского:

«Картина, хоть и лишена слов, но пронизана отчетливой идеей: животные мало чем отличаются от нас, у них должны быть такие же права жить на планете, как у людей».

«Лейтмотив и центральный сюжет – материнство норвежской свиноматки Гунды. Ее новорожденных поросят в самом начале фильма мы наблюдаем как ангелов, чудесных неземных существ. Забота Гунды о потомстве, внимание к постепенно растущим детям, вызывают в памяти мадонн Рафаэля, как раз выставленных неподалеку от места премьеры, в берлинской Галерее старых мастеров. В финале свинья остается одна, и ее тревожное хрюканье, в котором можно уловить удивительное богатство интонаций, звучит как сильнейший лирический монолог современной документалистики – пусть и на незнакомом нам языке».

«Переоценка ценностей происходит постепенно – обострившееся осознание хрупкости человеческого бытия привело к новым представлениям о ценности жизни животных. Свой недюжинный вклад в этот процесс вносит и Косаковский, которому удалось увидеть своих свиней, кур и коров снизу и сверху, вблизи и с дистанции, но никогда не свысока» [Долин, 2020].

Сам Виктор Косаковский говорит: «Не надо переоценивать нашу роль на Земле. Мы не уважаем ни животных, ни растения. Если уничтожат растения, мы проживем от силы еще два месяца. Но если мы исчезнем, природа лишь вздохнет с облегчением. Так почему искусство должно заниматься человеком и его проблемами – «нет зарплаты», «она любит другого»? Пожалуйста, занимайтесь. Но не пора ли остановиться и научиться уважать других существ?» [Косаковский, 2020].

Урегулирование конфликтов между людьми и другими животными, когда затронуты базовые интересы тех и других, – задача нелегкая, однако, к счастью, существуют способы предотвратить конфликт таким образом, чтобы люди могли выживать и даже процветать, не прибегая к истреблению животных – пишет американский философ, специалист по этике и писательница, профессор философии Уильяма Гриффина в Уэслианском университете в Мидлтауне, Лори Грэн. Она отмечает:

«Исследования наших этических отношений с другими животными уходят корнями в глубокую древность, но только в 1970-х годах, на фоне борьбы за социальную справедливость, расовое и гендерное равенство, философы и другие теоретики всерьез занялись этикой в отношении животных, и зародилось современное движение за права животных. Когда я только начала заниматься вопросами этики в отношении животных, эта тема всё ещё была на периферии как академических кругов, так и общества в целом. Поэтому для меня большая радость видеть, как зарождается целая академическая область под названием «исследования животных» и как этика в отношении животных становится всё более популярной. За последние двадцать лет было проделано так много теоретической работы, что, думаю, можно с уверенностью сказать, что этика в отношении животных стала самостоятельной дисциплиной» [Грэн, 2024, 1].

Главным изменением в отношении к природе становится переход от общих слов и призывов к обращению к каждому человеку: «Вы не сможете прожить и дня, не оказав влияния на окружающий мир. То, что вы делаете, имеет значение, и вам нужно решить, какое значение вы хотите придать своим действиям» – это слова Джейн Гудолл.

В интервью А. Копытину, редактору журнала «Экопозис», доктор философских наук, профессор Ю. Резник развивает идею экологической цивилизации, целью которой он считает «сбережение и развитие, а не только использование ресурсов страны».

Он считает, что «Россия имеет все шансы стать экологической цивилизацией, если, конечно, сложатся соответствующие условия, в том числе, ее рядовым гражданам и субъектам управления удастся совершить «поворот в сознании» и не только сформировать экологическое мировоззрение, но и перейти к практическим действиям, в том числе, создать новые институты и организации. Сегодня перед Россией, как и прежде, стоят две цивилизационные дилеммы, каждой из которых соответствуют альтернативные модели цивилизационного развития: традиционная или современная модели в настоящем и цифровая или экологическая модели в будущем».

Однако в заключение Ю. Резник признает, что стремление к экологизации в российском обществе не столь уж сильно, чтобы в ближайшее время появились новые силы, способные сообща позаботиться о нашем общем доме. «К сожалению, у нас так и не сложились условия и традиции для появления на политической арене сильных экологических движений и партий. Не сформирован до конца и экологический тип личности (эко-деятель), способный противостоять эго-деятелю как агрессивному и эгоистическому потребителю» [Резник, 2025].

Несмотря на то, что перспективы экологической цивилизации еще весьма туманны, есть надежда, что она воплотится в жизнь. Об этом пишет Джереми Лент:

«Экологическая цивилизация будет основана на всеобъемлющем симбиозе человеческого общества и мира природы. Человеческая деятельность будет организована не только во избежание причинения ущерба Земле, но и для активного восстановления и поддержания её здоровья. Таким образом, экологическая цивилизация могла бы обеспечить для человечества и мира природы возможность длительного взаимного процветания – симбиоза» [Лент, 2024, 43].

«Жизнеутверждающие принципы экологической цивилизации приведут к полезным преобразованиям практически во всех аспектах жизни общества. Вместо огромных гомогенизированных монокультур промышленного сельского хозяйства продукты питания будут во всём мире выращиваться на основе принципов регенеративного сельского хозяйства, что приведёт к увеличению биоразнообразия сельскохозяйственных культур, повышению эффективности использования воды и углерода и фактическому отказу от синтетических удобрений. Производство будет уделять приоритетное внимание круговым потокам с эффективным повторным использованием отходов, встроенным в производственные процессы с самого начала, а местные кооперативы станут организационной структурой по умолчанию. Технологические инновации по-прежнему будут поощряться, но их будут ценить за эффективность в повышении жизнеспособности биотических систем, а не за накопление капитала и личное обогащение. Ведущий принцип технологии сместится от «покорения природы» к исследованию того, как «заботиться о природе» – применению изобретательской деятельности для создания условий, ведущих к симбиотическому процветанию людей и живой Земли.

Города будут перепроектированы на экологических принципах: на каждом доступном участке земли будут разбиты общественные сады. Основные услуги всегда будут доступны в пределах двадцати минут ходьбы, а въезд автомобилей в центр города будет запрещен. Местное сообщество станет основной производительной силой общества, а личное общение снова станет важнейшей частью человеческого процветания. Образование будет переосмыслено, его

основная цель трансформируется из подготовки к корпоративному рынку в развитие мудрости, экологической культуры и эмоциональной зрелости, необходимых для реализации задач экологической цивилизации, связанных с поддержкой здоровья и благополучия биотических и человеческих сообществ в качестве высших ценностей» [Там же, 2024, 45].

В заключение, однако, Лент пишет фразу, которая может звучать оптимистично, а, может быть, не очень: «Экологическая цивилизация возникнет только тогда, когда достаточное количество людей во всём мире решат, что они больше не хотят слепо идти к краю пропасти, уповая на всеисилие законов рыночной экономики, и станут работать вместе, чтобы изменить направление развития человечества [Там же, 2024, 47].

Таким образом, мы видим озабоченность и тревогу о судьбах планеты самых разных ученых мира, видим, что поиски выхода продолжаются, но результаты их пока неизвестны.

Библиография

1. Адо П. Что такое античная философия? / Пер. с фр. В.П. Гайдамака. М.: Изд-во гуманитар. лит., 1999. 320 с.
2. Адо П. Философия как способ жить: Беседы с Жанни Карлие и Арнольдом И. Дэвидсоном / Пер. с фр. В.А. Воробьева. М.; Спб.: Степной Ветер; Коло, 2005. 288 с.
3. Браунгарт М., МакДонах У. От колыбели до колыбели. Меняем подход к тому, как мы создаем вещи. М.: Ад Маргинем, 2020. 207 с.
4. Груэн Л. Этика и животные: Введение. М.: Издательство ВШЭ, 2024. 354 с.
5. Дарвин Ч. Происхождение человека и половой подбор. Спб.: Издание О.Н. Поповой, 2013. 464 с.
6. Деволл Б., Сешнс Дж. Глубинная экология. Киев: Киевский эколого-культурный центр, 2005. 108 с. URL: https://ecoethics.com.ua/wp-content/uploads/2022/09/Deep_ecology.pdf
7. Долин А. «Гунда» – выдающийся фильм Виктора Косаковского о жизни свиньи, а также кур и коров. Meduza. 2020. URL: <https://web.archive.org/web/20210116001106/https://meduza.io/feature/2020/02/24/gunda-vydayuschiysya-film-viktora-kosakovskogo-o-zhizni-svini-a-takzhe-kur-i-korov>
8. Калликотт Б. Азиатская традиция и перспективы экологической этики: пропедевтика // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М.: Прогресс, 1990. С. 308–327.
9. Калликотт Б. Природоохранные ценности и этика // Гуманитарный экологический журнал. Т. 1, вып 2, 1999. С. 40–68.
10. Кант И. Vorlesungen tiber die philosophische Encyclopadie // Kants gesammelte Schriften, XXIX. Berlin (Akademie), 1980.
11. Козырева М. Смена философских перспектив: «поворот к животным» в новой антропологии // Философская антропология. 2021. Т.7. № 1. С. 66–77.
12. Косаковский В. Каждый день к четырем утра я приезжал на ферму и ждал, пока она проснется. Meduza. 2020. URL: <https://web.archive.org/web/20201210062737/https://meduza.io/feature/2020/10/16/kazhdy-den-k-chetyrem-utra-ya-priezzhal-na-fermu-i-zhdal-poka-ona-prosnetsya>
13. Лент Дж. Установка координат экологической цивилизации // Экопозис: экогуманитарные теория и практика. Т. 5. № 1. 2024. С. 39–48. URL: https://ecopoiesis.ru/f/ekopoezis_2024_1.pdf
14. Лисеев И. Экология как путь к объединению знания о естественном и социальном в человеке // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57. №4. С. 133–137.
15. Мардер М. Интервью // Экопозис: экогуманитарные теория и практика. Т. 3. № 1. 2022. С. 76–83. URL: https://ecopoiesis.ru/f/ekopoezis_tom_3_no1_2022.pdf
16. Мардер М. Растения философов. Интеллектуальный гербарий. М.: Ад Маргинем, 2025. 286 с.
17. Мартынов В. Ковид-революция и конец времени человека. Gorky.media. 2021. URL: <https://gorky.media/fragments/kovid-revolyuitsiya-i-konets-vremeni-cheloveka>
18. Мельниченко А. На климатическом форуме РСПП обсудили стратегические подходы к реализации национальной климатической политики. РСПП. 2025. URL: <https://rspp.ru/events/news/na-klimaticheskome-forume-rspp-obsudili-strategicheskie-podkhody-k-realizatsii-natsionalnoy-klimaticheskoy-politiki-67b04e91f2be1/>
19. Пинкер С. Лучшее в нас. М.: Альпина нон-фикшн, 2021. 949 с.
20. Резник Ю. М. Интервью // Экопозис: экогуманитарные теория и практика. Т. 6. № 2. 2025. С. 99–105. URL: <https://cyberleninka.ru/journal/n/ekopoezis-ekogumanitarnye-teoriya-i-praktika?i=1150760>
21. Снарский Я. А. Две истории защиты шихана Куштау: этноэкологическая мобилизация и издержки неопатримониализма // Полис. Политические исследования. 2024. Т. 33. № 3. С. 162–176.

22. Торо Г. Д. Уолден, или жизнь в лесу / Пер. З. Александрова. М.: Наука, 1979. 455 с.
23. Харари Ю. Н. 21 урок для XXI века. М.: Синдбад, 2019. 412 с.
24. Чмель К. Ш., Климова А. М., Митрохина А. М. Политизация экологического дискурса в Архангельской области на примере мусорного полигона около станции Шиес // Журнал исследований социальной политики. 2020. №18(1). С. 83–98.
25. Callicott J. B. In Defense of the Land Ethic: Essays in Environmental Philosophy. Albany: SUNY Press, 1989.
26. Callicott J. B. Beyond the Land Ethic: More Essays in Environmental Philosophy. Albany: SUNY Press, 1999.
27. Callicott J. B. and Nelson M. P. The Great New Wilderness Debate. Athens: University of Georgia Press, 1998.
28. Callicott J. B. and Nelson M. P. The Wilderness Debate Rages On: Continuing the Great New Wilderness Debate. Athens: University of Georgia Press, 2008.
29. Hadot P. Philosophy as a Way of Life: Spiritual Exercises from Socrates to Foucault. Wiley, 1995.
30. Mathews F. Ecophilosophy as a Way of Life // The Trumpeter, 39 (1), 2023. P. 2–20.
31. Mathews F. Invoking the Real: from the Specular to the Ontopoetic // For a New Naturalism. N.Y.: Telos Press, 2019. P. 144–159.
32. Naess A. Ecology, Community and Lifestyle. Cambridge, Mass.: Cambridge UP, 2003.
33. Ouderkirk W. and Hil J. (eds). Land, Value, Community and Environmental Philosophy. Albany, New York: State University of New York Press, 2002.

Some Aspects of Changing Value Orientations in the Context of Applied Ecology

Nataliya G. Krotovskaya

Research Fellow,
Philosophical Anthropology Sector,
Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences,
109240, 12/1, Goncharnaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: krotovskaya.nata@yandex.ru

Valentina S. Kulagina-Yartseva

Research Fellow,
Philosophical Anthropology Sector,
Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences,
109240, 12/1, Goncharnaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: yartseva41@mail.ru

Abstract

The problem of the human relationship with nature, the ethical aspects of their interaction with the surrounding world, and attempts to create a harmonious society living in unity with the environment have concerned humanity throughout its existence. This problem can be traced in the works of such prominent thinkers as Pythagoras, Heraclitus, Seneca, Augustine, Kant, and many others. However, despite the extreme importance and complexity of the relationship between humans and nature, a genuinely holistic attempt to study them is only being undertaken now within such a branch of philosophical knowledge as ecophilosophy. In modern society, environmental problems are becoming particularly relevant, and this is related not only and not so much to environmental pollution, but to the crisis of modern civilization, the crisis of spirituality, morality,

and contemporary culture as a whole. Currently, humanity faces a dilemma: the traditional or the ecological model of civilizational development. The article examines various interpretations of environmental problems by scholars of the past and present, their assessment of the current situation, and forecasts regarding the future that awaits the planet and humanity.

For citation

Krotovskaya N.G., Kulagina-Yartseva V.S. (2025) Nekotoryye aspekty izmeneniya tsennostnykh ustanovok v kontekste prikladnoy ekologii [Some Aspects of Changing Value Orientations in the Context of Applied Ecology]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 14 (10A), pp. 73-105. DOI: 10.34670/AR.2025.73.52.012

Keywords

Ecophilosophy, wisdom, Epicureans, Stoics, ecocentrism, ecosophy, deep ecology, land ethic, environmental ethics, philosophy of the landfill, value orientations, environmental crisis.

References

1. Ado, P. (1999). *Chto takoe antichnaya filosofiya?* [What is Ancient Philosophy?]. Izdatel'stvo gumanitarnoi literatury.
2. Ado, P. (2005). *Filosofiya kak sposob zhit': Besedy s Zhanni Karlie i Arnol'dom I. Davidsonom* [Philosophy as a Way to Live: Conversations with Jeanne Carlier and Arnold I. Davidson]. Stepnoi Veter; Kolo.
3. Braungart, M., & McDonough, W. (2020). *Ot kolybeli do kolybeli. Menyaem podkhod k tomu, kak my sozdaem veshchi* [From Cradle to Cradle: Remaking the Way We Make Things]. Ad Marginem.
4. Callicott, J. B. (1989). *In defense of the land ethic: Essays in environmental philosophy*. SUNY Press.
5. Callicott, J. B. (1999). *Beyond the land ethic: More essays in environmental philosophy*. SUNY Press.
6. Callicott, J. B., & Nelson, M. P. (1998). *The great new wilderness debate*. University of Georgia Press.
7. Callicott, J. B., & Nelson, M. P. (2008). *The wilderness debate rages on: Continuing the great new wilderness debate*. University of Georgia Press.
8. Chmel', K. Sh., Klimova, A. M., & Mitrokhina, A. M. (2020). Politizatsiya ekologicheskogo diskursa v Arkhangel'skoi oblasti na primere musornogo poligona okolo stantsii Shies [The politicization of environmental discourse in the Arkhangelsk region on the example of the landfill near Shies station]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki*, 18(1), 83–98.
9. Darwin, Ch. (2013). *Proiskhozhdenie cheloveka i polovoipodbor* [The Descent of Man, and Selection in Relation to Sex]. Izdanie O.N. Popovoi.
10. Devoll, B., & Sessions, Dzh. (2005). *Glubinnaya ekologiya* [Deep Ecology]. Kiievskii ekologo-kul'turnyi tsentr. Retrieved from https://ecoethics.com.ua/wp-content/uploads/2022/09/Deep_ecology.pdf
11. Dolin, A. (2020). «Gunda» – vydayushchiysya film Viktora Kosakovskogo o zhizni svin'i, a takzhe kur i korov ["Gunda" – an outstanding film by Viktor Kossakovsky about the life of a pig, as well as chickens and cows]. *Meduza*. Retrieved from <https://web.archive.org/web/20210116001106/https://meduza.io/feature/2020/02/24/gunda-vydayushchiysya-film-viktora-kosakovskogo-o-zhizni-svini-a-takzhe-kur-i-korov>
12. Gruen, L. (2024). *Etika i zhivotnye: Vvedenie* [Ethics and Animals: An Introduction]. Izdatel'stvo Vysshei shkoly ekonomiki.
13. Hadot, P. (1995). *Philosophy as a way of life: Spiritual exercises from Socrates to Foucault*. Wiley.
14. Harari, Yu. N. (2019). *21 urok dlya XXI veka* [21 Lessons for the 21st Century]. Sindbad.
15. Kallikott, B. (1990). Aziatskaya traditsiya i perspektivy ekologicheskoi etiki: propedevtika [Asian tradition and prospects of environmental ethics: propaedeutics]. In *Global'nye problemy i obshchechelovecheskie tsennosti* (pp. 308–327). Progress.
16. Kallikott, B. (1999). Prirodokhrannyye tsennosti i etika [Environmental values and ethics]. *Gumanitarnyi ekologicheskii zhurnal*, 1(2), 40–68.
17. Kant, I. (1980). Vorlesungen tiber die philosophische Encyclopadie. In *Kants gesammelte Schriften* (Vol. XXIX). Berlin (Akademie).
18. Kozyreva, M. (2021). Smena filosofskikh perspektiv: «povorot k zhivotnym» v novoi antropologii [The change of philosophical perspectives: the "turn to animals" in the new anthropology]. *Filosofskaya antropologiya*, 7(1), 66–77.
19. Kosakovskii, V. (2020). Kazhdyi den' k chetyrem utra ya priezhal na fermu i zhdal, poka ona prosnetsya [Every day at four in the morning I came to the farm and waited for her to wake up]. *Meduza*. Retrieved

- from <https://web.archive.org/web/20201210062737/https://meduza.io/feature/2020/10/16/kazhdyy-den-k-chetyrem-utra-ya-priezzhal-na-fermu-i-zhdal-poka-ona-prosnetsya>
20. Lent, Dzh. (2024). Ustanovka koordinat ekologicheskoi tsivilizatsii [Setting the coordinates of an ecological civilization]. *Ekopoezis: ekogumanitarnye teoriya i praktika*, 5(1), 39–48. Retrieved from https://ecopoiesis.ru/f/ekopoezis_2024_1.pdf
 21. Liseev, I. (2020). Ekologiya kak put' k ob"edineniyu znaniya o estestvennom i sotsial'nom v cheloveke [Ecology as a way to combine knowledge about the natural and social in humans]. *Epistemologiya i filosofiya nauki*, 57(4), 133–137.
 22. Marder, M. (2022). Interv'yu [Interview]. *Ekopoezis: ekogumanitarnye teoriya i praktika*, 3(1), 76–83. Retrieved from https://ecopoiesis.ru/f/ekopoezis_tom_3_no1_2022.pdf
 23. Marder, M. (2025) *Rasteniya filosofov. Intellektual'nyy gerbarii* [Plants of the Philosophers. An Intellectual Herbarium]. Ad Marginem.
 24. Martynov, V. (2021). Kovid-revolutsiya i konets vremeni cheloveka [Covid revolution and the end of human time]. *Gorky.media*. Retrieved from <https://gorky.media/fragments/kovid-revolutsiya-i-konets-vremeni-cheloveka>
 25. Mathews, F. (2019). Invoking the real: From the specular to the onto-poetic. In *For a new naturalism* (pp. 144–159). Telos Press.
 26. Mathews, F. (2023). Ecophilosophy as a way of life. *The Trumpeter*, 39(1), 2–20.
 27. Mel'nichenko, A. (2025) Na klimaticheskoy forumе RSPP obsudili strategicheskie podkhody k realizatsii natsional'noi klimaticheskoy politiki [Strategic approaches to the implementation of national climate policy were discussed at the RSPP Climate Forum]. *RSPP*. Retrieved from <https://rspp.ru/events/news/na-klimaticheskoy-forume-rspp-obsudili-strategicheskie-podkhody-k-realizatsii-natsional'noy-klimaticheskoy-politiki-67b04e91f2be1/>
 28. Naess, A. (2003). *Ecology, community and lifestyle*. Cambridge University Press.
 29. Ouderkirk, W., & Hill, J. (Eds.). (2002). *Land, value, community and environmental philosophy*. State University of New York Press.
 30. Pinker, S. (2021). *Luchshee v nas* [The Better Angels of Our Nature: Why Violence Has Declined]. Al'pina non-fikshn.
 31. Reznik, Yu. M. (2025) Interv'yu [Interview]. *Ekopoezis: ekogumanitarnye teoriya i praktika*, 6(2), 99–105. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/journal/n/ekopoezis-ekogumanitarnye-teoriya-i-praktika?i=1150760>
 32. Snarskii, Ya. A. (2024). Dve istorii zashchity shikhana Kushtau: etnoekologicheskaya mobilizatsiya i izderzhki neopatrionalizma [Two stories of the defense of Mount Kushtau: ethno-ecological mobilization and the costs of neopatrionalism]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 33(3), 162–176.
 33. Toro, G. D. (1979). *Uolden, ili zhizn' v lesu* [Walden, or Life in the Woods]. Nauka.